

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Ф. М. Достоевскій.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Сантиментальный романъ.

(Изъ воспоминаній мечтателя.)

ImWerdenVerlag
München — Москва
2007

© <http://imwerden.de> - некоммерческое электронное издание, 2007
Издание подготовил С. Нестеров, 2007

...Иль былъ онъ созданъ для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье
Въ сосѣдствѣ сердца твоего?..

Ив. Тургеневъ.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Была чудная ночь, такая ночь, которая развѣ только и можетъ быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звѣздное, такое свѣтлое небо, что, взглянувъ на него, невольно нужно было спросить себя: не-уже-ли же могутъ жить подъ такимъ небомъ разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопросъ, любезный читатель, очень-молодой, но пошли его вамъ Господь чаще на душу!.. Говоря о капризныхъ и разныхъ сердитыхъ господахъ, я не могъ не припомнить и своего благодѣянаго поведенія во весь этотъ день. Съ самаго утра меня стала мучить какая-то удивительная тоска. Мнѣ вдругъ показалось, что меня одинокаго всѣ покидаютъ, и что всѣ отъ меня отступаются. Оно, конечно, всякій въ правѣ спросить: кто жъ эти всѣ? потому-что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я живу въ Петербургѣ и почти ни одного знакомства не умѣлъ завести. Но сами посудите, къ-чему мнѣ знакомства? Мнѣ и безъ того знакомъ весь Петербургъ, вотъ почему мнѣ и показалось, что меня всѣ покидаютъ, когда весь Петербургъ поднялся и вдругъ уѣхалъ на дачу. Мнѣ страшно стало оставаться одному и цѣлыхъ три дня я бродилъ по городу въ глубокой тоскѣ, рѣшительно не понимая, что со мной дѣлается. Пойду ли на Невскій, пойду ли въ садъ, брожу ли по набережной — ни одного лица изъ тѣхъ, кого привыкъ встрѣчать въ томъ же мѣстѣ въ извѣстный часъ цѣлый годъ. Они, конечно, не знаютъ меня, да я-то ихъ знаю. Я коротко ихъ знаю; я почти изучилъ ихъ физиономіи, и люблюсь на нихъ, когда они веселы, и хандрю, когда они затуманятся. Я почти свелъ дружбу съ однимъ старичкомъ, котораго встрѣчаю каждый Божій день въ извѣстный часъ на Фонтанкѣ. Физиономія такая важная, задумчивая; все шепчетъ подъ носъ и махаетъ лѣвой рукой, а въ правой у него длинная сучковатая трость съ золотымъ набалдашникомъ. Даже онъ замѣтилъ меня и принимаетъ во мнѣ душевное участіе. Случись, что я не буду въ извѣстный часъ на томъ же мѣстѣ Фонтанки, я увѣренъ, что на него нападетъ хандра. Вотъ отъ-чего мы иногда чуть не кланяемся другъ съ другомъ, особенно, когда оба въ хорошемъ расположеніи духа. Намедни, когда мы не видались цѣлые два дня и на третій

встрѣтились, мы уже было и схватились за шляпы, да благо опомнились во-время, опустили руки и съ участіемъ прошли другъ подлѣ друга. Мнѣ тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый какъ-будто забѣгаетъ впередъ меня на улицу, глядитъ на меня во всѣ окна и чуть не говоритъ: "здравствуйте; какъ ваше здоровье? и я слава Богу здоровъ, а ко мнѣ въ маѣ мѣсяцѣ прибавятъ этажъ". Или: "какъ ваше здоровье? а меня завтра въ починку", или: "я чуть не сгорѣлъ и притомъ испугался" и т. д. Изъ нихъ у меня есть любимцы, есть короткіе пріятели; одинъ изъ нихъ намѣренъ лечиться это лѣто у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтобъ не залечили какъ-нибудь, сохрани его Господи!.. Но никогда не забуду исторіи съ однимъ прехорошенькимъ свѣтло-розовымъ домикомъ. Это былъ такой миленькій каменный домикъ, такъ привѣтливо смотрѣлъ на меня, такъ горделиво смотрѣлъ на своихъ неуклюжихъ сосѣдей, что мое сердце радовалось, когда мнѣ случалось проходить мимо. Вдругъ, на прошлой недѣлѣ, я прохожу по улицѣ и какъ посмотрѣлъ на пріятеля — слышу жалобный крикъ: "а меня красятъ въ желтую краску!" Злодѣи! варвары! они не пощадили ничего: ни колоннъ, ни карнизовъ, и мой пріятель пожелтѣлъ какъ канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до-сихъ-поръ не въ силахъ былъ повидаться съ изуродованнымъ моимъ бѣднякомъ, котораго раскрасили подъ цвѣтъ поднебесной имперіи.

Итакъ, вы понимаете, читатель, какимъ-образомъ я знакомъ со всѣмъ Петербургомъ.

Я уже сказалъ, что меня цѣлые три дня мучило безпокойство, покамѣстъ я догадался о причинѣ его. И на улицѣ мнѣ было худо (того нѣтъ, этого нѣтъ, куда дѣлся такой-то?) — да и дома я былъ самъ не свой. Два вечера добивался я: чего не достаетъ мнѣ въ моемъ углу? отъ-чего такъ неловко было въ немъ оставаться? — и съ недоумѣніемъ осматривалъ я свои зеленыя, закоптѣлыя стѣны, потолокъ, завѣшенный паутиной, которую съ большимъ успѣхомъ разводила Матрена, пересматривалъ всю свою мубель, осматривалъ каждый стулъ, думая, не тутъ ли бѣда? (потому-что коль у меня хоть одинъ стулъ стоитъ не такъ, какъ вчера стоялъ, такъ я самъ не свой) смотрѣлъ за окно, и все понапрасну... нисколько не было легче! Я даже вздумалъ-было призвать Матрену и тутъ же сдѣлалъ ей отеческій выговоръ за паутину и вообще за неряшество; но она только посмотрѣла на меня въ удивленіи и пошла прочь, не отвѣтивъ ни слова, такъ-что паутина еще до-сихъ-поръ благополучно виситъ на мѣстѣ. Наконецъ, я только сегодня поутру догадался, въ чемъ дѣло. Э! да вѣдь они отъ меня удираютъ на дачу! Простите за тривіальное словцо, но мнѣ было не до высокаго слога... потому-что вѣдь

все, что только ни было въ Петербургѣ, или переѣхало или переѣзжало на дачу; потому-что каждый почтенный господинъ солидной наружности, нанимавшій извозчика, на глаза мои тотчасъ же обращался въ почтеннаго отца семейства, который послѣ обыденныхъ должностныхъ занятій отправляется налегкѣ въ нѣдра своей фамиліи на дачу; потому-что у каждаго прохожаго былъ теперь уже совершенно-особый видъ, который чуть-чуть не говорилъ всякому встрѣчному: "мы, господа, здѣсь только такъ, мимоходомъ, а вотъ черезъ два часа мы уѣдемъ на дачу". Отворялось ли окно, по которому побарабанили сначала тоненькіе, бѣлые какъ сахаръ пальчики, и высывалась головка хорошенькой дѣвушки, подзывавшей разнощика съ горшками цвѣтовъ — мнѣ тотчасъ же, тутъ же представлялось, что эти цвѣты только такъ покупаются, т. е. вовсе не для того, чтобъ наслаждаться весной и цвѣтами въ душной городской квартирѣ, а что, вотъ, очень-скоро всѣ переѣдутъ на дачу и цвѣты съ собою увезутъ. Мало того, я уже сдѣлалъ такіе успѣхи въ своемъ новомъ, особенномъ родѣ открытій, что уже могъ безошибочно, по одному виду, обозначить, на какой кто дачѣ живетъ. Обитатели Каменнаго и Аптекарскаго Острововъ или Петергофской Дороги, отличались изысканнѣйшимъ изяществомъ пріемовъ, щегольскими лѣтними костюмами и прекрасными экипажами, въ которыхъ они пріѣхали въ городъ. Жители Парголова и тамъ, гдѣ подальше, съ перваго взгляда "внушали" своимъ благоразуміемъ и солидностью; посѣтитель Крестовскаго-Острова отличался невозмутимо-веселымъ видомъ. Удавалось ли мнѣ встрѣтить длинную процессію ломовыхъ извозчиковъ, лѣниво шедшихъ съ возжами въ рукахъ подлѣ возовъ, нагруженныхъ цѣлыми горами всякой мубели, столовъ, стульевъ, дивановъ турецкихъ и нетурецкихъ и прочимъ домашнимъ скарбомъ, на которомъ, сверхъ всего этого, зачастую возсѣдала на самой вершинѣ воза тщедушная кухарка, берегущая барское добро какъ зеницу ока; смотрѣлъ ли я на тяжело-нагруженныя домашнею утварью лодки, скользившія по Невѣ иль Фонтанкѣ, до Черной-Рѣчки иль острововъ — воза и лодки удесятерялись, усотерялись въ глазахъ моихъ; казалось, все поднялось и поѣхало, все переселялось цѣлыми караванами на дачу; казалось, весь Петербургъ грозилъ обратиться въ пустыню, такъ что наконецъ мнѣ стало стыдно, обидно и грустно; мнѣ решительно некуда и незачѣмъ было ѣхать на дачу. Я готовъ былъ уйдти съ каждымъ возомъ, уѣхать съ каждымъ господиномъ почтенной наружности, нанимавшимъ извозчика; но ни одинъ, рѣшительно никто не пригласилъ меня; словно забыли меня, словно я для нихъ былъ и въ-самомъ-дѣлѣ чужой!

Я ходилъ много и долго, такъ-что уже совсѣмъ успѣлъ, по своему обыкновенію, забыть, гдѣ я, какъ вдругъ очутился у заставы. Въ-мигъ мнѣ стало весело, и я шагнулъ за шлагбаумъ, пошелъ между засѣянныхъ полей и луговъ, не слышалъ усталости, но чувствовалъ только всѣмъ составомъ своимъ, что какое-то бремя спадаетъ с души моей. Всѣ проѣзжіе смотрѣли на меня такъ привѣтливо, что рѣшительно чуть не кланялись; всѣ были такъ рады чему-то, всѣ до одного курили сигары. И я былъ радъ, какъ еще никогда со мной не случалось. Точно я вдругъ очутился въ Италіи — такъ сильно поразила природа меня, полубольнаго горожанина, чуть незадохнувшагося въ городскихъ стѣнахъ.

Есть что-то неизъяснимо-трогательное въ нашей петербургской природѣ, когда она, съ наступленіемъ весны, вдругъ выкажетъ всю мощь свою, всѣ дарованныя ей небомъ силы, опушится, разрядится, упестрится цвѣтами... Какъ-то невольно напоминаетъ она мнѣ ту дѣвушку, чахлую и хворую, на которую вы смотрите иногда съ сожалѣніемъ, иногда съ какою-то сострадательною любовью, иногда же просто не замѣчаете ея, но которая вдругъ, на одинъ мигъ, какъ-то нечаянно сдѣлается неизъяснимо, чудно-прекрасною, а вы, пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать такимъ огнемъ эти грустные, задумчивые глаза? что вызвало кровь на эти блѣдныя, похудѣвшія щеки? что облило страстью эти нѣжныя черты лица? отъ чего такъ вздымается эта грудь? что такъ внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо блѣдной дѣвушки, заставило его заблестать такой улыбкой, оживиться такимъ сверкающимъ, искрометнымъ смѣхомъ? Вы смотрите кругомъ, вы кого-то ищете, вы догадываетесь... Но мигъ проходитъ, и, можетъ-быть, на завтра же вы встрѣтите опять тотъ же задумчивый и разсѣянный взглядъ, какъ и прежде, то же блѣдное лицо, ту же покорность и робость въ движеніяхъ и даже раскаяніе, даже слѣды какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлеченіе... И жаль вамъ, что такъ скоро, такъ безвозвратно завяла мгновенная красота, что такъ обманчиво и напрасно блеснула она передъ вами — жаль отъ-того, что даже полюбить ее вамъ не было времени...

А все-таки моя ночь была лучше дня! Вотъ, какъ это было:

Я пришелъ назадъ въ городъ очень-поздно, и уже пробило десять часовъ, когда я сталъ подходить къ квартирѣ. Дорога моя шла по набережной канала, на которой в этотъ часъ не встрѣтишь живой души. Правда, я живу въ отдаленнѣйшей части города. Я шелъ и громко пѣлъ, потому-что, когда я счастливъ, я долженъ пѣть, какъ и всякій счастливый человѣкъ у котораго нѣтъ ни друзей, ни добрыхъ знакомыхъ, и ко-

торому въ радостную минуту не съ кѣмъ раздѣлить свою радость. Вдругъ со мной случилось самое неожиданное приключеніе.

Въ сторонкѣ, прислонившись къ периламъ канала, стояла женщина; облокотившись на рѣшетку, она, по-видимому, очень-внимательно смотрѣла на мутную воду канала. Она была одѣта въ премиленькой желтой шляпкѣ и въ кокетливой черной мантилькѣ. "Это дѣвушка, и непременно брюнетка", подумалъ я. Она, кажется, не слыхала шаговъ моихъ, даже не шевельнулась, когда я прошелъ мимо, затаивъ дыханіе и съ сильно-забившимся сердцемъ. "Странно!" подумалъ я: "вѣрно она о чемъ-нибудь очень задумалась", и вдругъ я остановился какъ вкопанный. Мнѣ послышалось глухое рыданіе. Да! я не обманулся: дѣвушка плакала, и черезъ минуту еще и еще всхлипываніе. Боже мой! У меня сердце сжалось. И какъ я ни робокъ съ женщинами, но вѣдь это была такая минута!.. Я воротился, шагнулъ къ ней и непременно бы произнесъ:

— Сударыня!

Еслибъ только не зналъ, что это восклицаніе уже тысячу разъ проносилось во всѣхъ русскихъ великосвѣтскихъ романахъ. Это одно и остановило меня. Но покамѣстъ я пріискивалъ слово, дѣвушка очнулась, оглянулась, спохватилась, потупилась и скользнула мимо меня по набережной. Я тотчасъ же пошелъ вслѣдъ за ней, но она догадалась, оставила набережную, перешла черезъ улицу и пошла по троттуару. Я, какъ всегда за мной въ подобныхъ случаяхъ водится, не посмѣлъ перейти черезъ улицу. Сердце мое трепетало, какъ у пойманной птички. Вдругъ одинъ благословенный случай пришелъ ко мнѣ на помощь.

По той сторонѣ троттуара, недалеко отъ моей знакомки, неизвѣстно какимъ случаемъ вдругъ появился господинъ во фракѣ, солидныхъ лѣтъ, но нельзя сказать, чтобъ солидной походки. Онъ шелъ пошатываясь и осторожно опираясь объ стѣнку. Дѣвушка же шла, словно стрѣлка, торопливо и робко, какъ вообще ходятъ всѣ дѣвушки, которыя не хотятъ, чтобъ кто-нибудь вызвался провожать ихъ ночью домой, и, конечно, качавшійся господинъ ни за что не догналъ бы ея, еслибъ судьба моя не надоумила его поискать искусственныхъ средствъ. Вдругъ, не сказавъ никому ни слова, мой господинъ срывается съ мѣста и летитъ со всѣхъ ногъ, бѣжитъ, догоняя мою знакомку. Она шла какъ вѣтеръ, но колыхавшійся господинъ настигалъ, настигъ, дѣвушка вскрикнула — и... я благословляю судьбу за превосходную сучковатую палку, которая случилась на этотъ разъ въ моей правой рукѣ. Я мигомъ очутился на той сторонѣ троттуара, мигомъ неустойчивый господинъ понялъ, в чемъ дѣло, принялъ въ соображеніе неотразимый резонъ, замолчалъ, отсталъ и только, когда уже мы были очень-далеко, протестовалъ противъ меня

въ довольно-энергическихъ терминахъ. Но до насъ едва долетѣли слова его.

— Дайте мнѣ руку, сказалъ я моей незнакомкѣ: — и онъ не посмѣетъ больше къ намъ приставать.

Она молча подала мнѣ свою ручку, еще дрожавшую отъ волненія и испуга. О, неустоявшійся господинъ! какъ я благословлялъ тебя въ эту минуту! Я мелькомъ взглянулъ на нее: она была премиленькая и брюнетка — я угадалъ; на ея черныхъ рѣсницахъ еще блестѣли слезинки недавняго испуга, или прежняго горя, не знаю. Но на губахъ уже сверкала улыбка. Она тоже взглянула на меня украдкой, слегка покраснѣла и потупилась.

— Вотъ видите, зачѣмъ же вы тогда отогнали меня? Еслибъ я былъ тутъ, ничего бы не случилось...

— Но я васъ не знала; я думала, что вы тоже...

— А развѣ вы теперь меня знаете?

— Немножко. Вотъ, на-примѣръ, отъ-чего вы дрожите?

— О, вы угадали съ перваго раза! отвѣчалъ я въ восторгѣ, что моя дѣвушка умница: это при красотѣ никогда не мѣшаетъ. — Да, вы съ перваго взгляда угадали, съ кѣмъ имѣете дѣло. Точно, я робокъ съ женщинами, я въ волненьи, не спорю, не меньше какъ были вы минуту назадъ, когда этотъ господинъ испугалъ васъ... Я въ какомъ-то испугѣ теперь. Точно сонъ, а я даже и во снѣ не гадалъ, что когда-нибудь буду говорить хоть съ какой-нибудь женщиной.

— Какъ? не-уже-ли?..

— Да, если рука моя дрожить, то это отъ-того, что никогда еще ея не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, какъ ваша. Я совсѣмъ отвыкъ отъ женщинъ; т. е. я къ нимъ и не привыкалъ никогда; я вѣдь одинъ. Я даже не знаю, какъ говорить съ ними. Вотъ и теперь не знаю — не сказалъ ли вамъ какой-нибудь глупости? Скажите мнѣ прямо; предупреждаю васъ, я не обидчивъ...

— Нѣтъ ничего, ничего; напротивъ. И если уже вы требуете, чтобъ я была откровенна, такъ я вамъ скажу, что женщинамъ нравится такая робость; а если вы хотите знать больше, то и мнѣ она тоже нравится, и я не отгону васъ отъ себя до самаго дома.

— Вы сдѣлаете со мной, началъ я, задыхаясь отъ восторга: — что я тотчасъ же перестану робѣть и тогда — прощай всѣ мои средства!..

— Средства? какія средства, къ чему? Объ этомъ не говорятъ; вотъ это ужь дурно.

— Ну, виноватъ, я не буду, у меня съ языка сорвалось; но какъ же вы хотите, чтобъ въ такую минуту не было желанія...

— Понравится, что ли?

— Ну, да; да будьте, ради Бога, будьте добры. Посудите, кто я! Вѣдь вотъ ужъ мнѣ двадцать-шесть лѣтъ, а я никого никогда не видалъ. Ну, какъ же я могу хорошо говорить, ловко и кстати? Вамъ же будетъ выгоднѣе, когда все будетъ открыто, наружу... Я не умѣю молчать, когда сердце во мнѣ говоритъ. Ну, да все равно... Повѣрите ли, ни одной женщины, никогда, никогда? Никакого знакомства! и только мечтаю каждый день, что наконецъ-то когда-нибудь я встрѣчу кого-нибудь. Ахъ, еслибъ вы знали, сколько разъ я былъ влюбленъ такимъ образомъ!..

— Но какъ же, въ кого же?..

— Да ни въ кого, въ идеаль, въ ту, которая приснится во снѣ. Я создаю въ мечтахъ цѣлые романы. О, вы меня не знаете! Правда, нельзя же безъ того, я встрѣчалъ двухъ, трехъ женщинъ, но какія онѣ женщины? это все такія хозяйки, что... Но я васъ насмѣшу, я расскажу вамъ, что нѣсколько разъ думалъ заговорить, такъ, запросто, съ какой-нибудь аристократкой на улицѣ, разумѣется, когда она одна; заговорить, конечно, робко, почтительно, страстно; сказать, что погибаю одинъ, чтобъ она не отгоняла меня, что нѣтъ средства узнать хоть какую-нибудь женщину; внушить ей, что даже въ обязанностяхъ женщины не отвергнуть робкой мольбы такого несчастнаго человѣка, какъ я. Что наконецъ и все, чего я требую, состоитъ въ томъ только, чтобъ сказать мнѣ какія-нибудь два слова братскія, съ участіемъ, не отогнать меня съ перваго шага, повѣрить мнѣ на слово, выслушать, что я буду говорить, посмѣяться надо мной, если угодно, обнадежить меня, сказать мнѣ два слова, только два слова, потомъ пусть хоть мы съ ней никогда не встрѣчаемся!.. Но вы смѣетесь... Впрочемъ, я для того и говорю...

— Не досадуйте; я смѣюсь тому, что вы сами себѣ врагъ, и еслибъ вы попробовали, то вамъ бы и удалось, можетъ-быть, хоть бы и на улицѣ дѣло было; чѣмъ проще, тѣмъ лучше... Ни одна порядочная женщина, если только она не глупа, или особенно не сердита на что-нибудь въ эту минуту, не рѣшилась бы отослать васъ безъ этихъ двухъ словъ, которыхъ вы такъ робко, такъ страстно вымаливаете... Впрочемъ, я сужу по себѣ.

— О, благодарю васъ, закричалъ я: — вы не знаете, что вы для меня теперь сдѣлали!

— Хорошо, хорошо! Но скажите мнѣ, почему вы узнали, что я такая женщина, съ которой... ну, которую вы считали достойной...

вниманія и дружбы... однимъ словомъ, не хозяйка, какъ вы называете. Почему вы рѣшились подойти ко мнѣ?

— Почему? почему? Но вы были одни, тотъ господинъ былъ слишкомъ-смѣлъ, теперь ночь: согласитесь сами, что это обязанность...

— Нѣтъ, нѣтъ, еще прежде, тамъ, на той сторонѣ. Вѣдь вы хотѣли же подойти ко мнѣ?

— Тамъ, на той сторонѣ? Но я, право, не знаю, какъ отвѣчать; я боюсь... Знаете ли, я сегодня былъ счастливъ; я шелъ, пѣлъ; я былъ за городомъ; со мной еще никогда не бывало такихъ счастливыхъ минутъ. Вы... мнѣ, можетъ-быть, показалось... Ну, простите меня, если я напомню: мнѣ показалось, что вы плакали, и я... я не могъ слышать этого... у меня стѣснилось сердце... О, Боже мой! Ну, да не-уже-ли же я не могъ потосковать объ васъ? Не-уже-ли же былъ грѣхъ почувствовать къ вамъ братское состраданіе?.. Извините, я сказалъ состраданіе... Ну, да, однимъ словомъ, не-уже-ли я могъ васъ обидѣть тѣмъ, что невольно вздумалось мнѣ къ вамъ подойти?..

— Оставьте, довольно, не говорите... сказала дѣвушка потупившись и сжавъ мою руку. — Я сама виновата, что заговорила объ этомъ; но я рада, что не ошиблась въ васъ... Послушайте; вотъ уже я дома; мнѣ нужно сюда въ переулочекъ; тутъ два шага... Прощайте, благодарю васъ...

— Такъ не-уже-ли же, не-уже-ли мы больше никогда не увидимся?.. Не-уже-ли это такъ и останется?

— Видите ли, сказала смѣясь дѣвушка: — вы хотѣли сначала только двухъ словъ, а теперь... Но, впрочемъ, я вамъ ничего не скажу... Можетъ-быть, встрѣтятся...

— Я приѣду сюда завтра, сказалъ я. — О, простите меня, я уже требую...

— Да, вы нетерпѣливы... вы почти требуете...

— Послушайте, послушайте! прервалъ я ее. — Простите, если я вамъ скажу опять что-нибудь такое... Но вотъ что: я не могу не приѣхать сюда завтра. Я мечтатель; у меня такъ мало дѣйствительной жизни, что я такія минуты, какъ эту, какъ теперь, считаю такъ рѣдко, что не могу не повторять этихъ минутъ въ мечтаньяхъ. Я промечтаю объ васъ цѣлую ночь, цѣлую недѣлю, весь годъ. Я непременно приѣду сюда завтра, именно сюда, на это же мѣсто, именно въ этотъ часъ, и буду счастливъ, припоминая вчерашнее. Ужь это мѣсто мнѣ мило. У меня уже есть такія два, три мѣста въ Петербургѣ. Я даже одинъ разъ заплакалъ отъ воспоминанья, какъ вы... Почемъ знать, можетъ-быть, и вы, тому назадъ десять минутъ, плакали отъ воспоминанья... Но простите меня; я опять

забылся; вы, можетъ-быть, когда-нибудь были здѣсь особенно счастливы...

— Хорошо; послушайте, сказала дѣвушка, и ручка ея задрожала въ моихъ рукахъ: — я прійду сюда завтра, тоже въ десять часовъ. Вижу, что я уже не могу вамъ запретить... Видите ли мнѣ нужно быть здѣсь; не подумайте, чтобъ я вамъ назначала свиданіе; я предупреждаю васъ, мнѣ нужно быть здѣсь для себя. Но вотъ... ну, ужъ я вамъ прямо скажу: это будетъ ничего, если и вы прійдете; во-первыхъ, могу быть опять непріятности, какъ сегодня, но это въ сторону. Во-вторыхъ мнѣ хотѣлось бы васъ видѣть... чтобъ сказать вамъ два слова. Ну, да я вамъ послѣ скажу! Только, видите ли, вы не осудите меня теперь; не подумайте, что я такъ легко назначаю свиданья... Я бы и не назначила, еслибъ... Но пусть это будетъ моя тайна! Только впередъ уговоръ...

— Уговоръ! говорите, скажите, скажите все заранѣе; я на все согласенъ, на все готовъ, вскричалъ я въ восторгѣ: — я отвѣчаю за себя — буду послушенъ, почтителенъ... вы меня знаете...

— Именно отъ-того, что знаю васъ, и приглашаю васъ завтра, сказала смѣясь дѣвушка. — Я васъ совершенно знаю. Но смотрите, приходите съ условіемъ; во-первыхъ (только будьте добры, исполните, что я попрошу — видите ли, я говорю откровенно), не влюбляйтесь въ меня... Это нельзя, увѣряю васъ. На дружбу я готова, вотъ вамъ рука моя... А влюбиться нельзя, прошу васъ!

— Клянусь вамъ, закричалъ я, схвативъ ея ручку...

— Полноте, не клянитесь, я вѣдь знаю, вы способны вспыхнуть какъ порохъ. Но послушайте, не осуждайте меня, если я такъ говорю. Еслибъ вы знали... У меня тоже никого нѣтъ, съ кѣмъ бы мнѣ можно было слово сказать, у кого бы совѣта спросить. Конечно, не на улицѣ же искать совѣтниковъ, да вы исключеніе. Я васъ такъ знаю, какъ-будто уже мы двадцать лѣтъ были друзьями... Не-правда-ли, вы не измѣните?..

— Увидите... только я не знаю, какъ ужъ я доживу хотя сутки.

— Спите покрѣпче; доброй ночи — и помните, что я вамъ уже ввѣрилась. Но вы такъ хорошо воскликнули давеча: не-уже-ли жъ давать отчетъ въ каждомъ чувствѣ, даже въ братскомъ сочувствіи! Знаете ли, это было такъ хорошо сказано, что у меня тотчасъ же мелькнула мысль довѣриться вамъ...

— Ради Бога, но въ чемъ? что?

— До завтра. Пусть это будетъ покамѣстъ тайной. Тѣмъ лучше хоть издали будетъ на романъ похоже. Можетъ-быть, я вамъ завтра же скажу, а можетъ-быть, нѣтъ... Я еще съ вами напередъ поговорю, мы познакомимся лучше....

— О, да я вамъ завтра же все расскажу про себя! Но что это? точно чудо со мной совершается... Гдѣ я, Боже мой? Ну, скажите, не-уже-ли вы не довольны тѣмъ, что не разсердились, какъ бы сдѣлала другая, не отогнали меня въ самомъ началѣ? Двѣ минуты, и вы сдѣлали меня навсегда счастливымъ. Да! счастливымъ; почему знать, можетъ-быть, вы меня съ собой помирили, разрѣшили мои сомнѣнія... Можетъ-быть, на меня находятъ такія минуты!.. Ну, да я вамъ завтра все расскажу, вы все узнаете, все...

— Хорошо, принимаю; вы и начнете...

— Согласенъ.

— До свиданья!

— До свиданья!

И мы разстались. Я ходилъ всю ночь; я не могъ рѣшиться воротиться домой. Я былъ такъ счастливъ... до завтра!

НОЧЬ ВТОРАЯ.

— Ну, вотъ и дожили! сказала она мнѣ смѣясь и пожимая мнѣ обѣ руки.

— Я здѣсь уже два часа; вы не знаете, что было со мной цѣлый день!

— Знаю, знаю... но къ дѣлу. Знаете, зачѣмъ я пришла? Вѣдь не вздоръ болтать, какъ вчера. Вотъ что: намъ нужно впередъ умнѣй поступать. Я обо всемъ этомъ вчера долго думала.

— Въ чемъ же, въ чемъ быть умнѣе? Съ моей стороны, я готовъ; но, право, въ жизнь не случалось со мною ничего умнѣе, какъ теперь.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Во-первыхъ, прошу васъ не жмите такъ моихъ рукъ; во-вторыхъ, объявляю вамъ, что я обѣ васъ сегодня долго раздумывала.

— Ну, и чѣмъ же кончилось?

— Чѣмъ кончилось? Кончилось тѣмъ, что нужно все снова начать, потому-что въ заключеніе всего я рѣшила сегодня, что вы еще мнѣ совсѣмъ неизвѣстны, что я вчера поступила, какъ ребенокъ, какъ дѣвочка, и, разумѣется, вышло такъ, что всему виновато мое доброе сердце, т. е. я похвалила себя, какъ и всегда кончается, когда мы начнемъ свое разбирать. И потому, чтобъ поправить ошибку, я рѣшила разузнать обѣ васъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ. Но такъ-какъ разузнавать о васъ но у кого, то вы и должны мнѣ сами все рассказать, всю

подноготную. Ну, что вы за человекъ? Поскорѣе — начинайте же, рассказывайте свою исторію.

— Исторію! закричалъ я, испугавшись: — исторію! Но кто вамъ сказалъ, что у меня есть моя исторія? у меня нѣтъ исторіи...

— Такъ какъ же вы жили, коль нѣтъ исторіи? перебила она смѣясь.

— Совершенно безъ всякихъ исторій! такъ, жилъ, какъ у насъ говорится, самъ-по-себѣ, т. е. одинъ совершенно — одинъ, одинъ вполнѣ — понимаете, что такое одинъ?

— Да какъ одинъ? То-есть, вы никого никогда не видали?

— О, нѣтъ, видѣть-то вижу — а все-таки я одинъ.

— Что же, вы развѣ не говорите ни съ кѣмъ?

— Въ строгомъ смыслѣ, ни съ кѣмъ.

— Да кто же вы такой, объяснитесь! Пойдите, я догадываюсь; у васъ вѣрно есть бабушка, какъ и у меня. Она слѣпая и вотъ уже цѣлую жизнь меня никуда не пускаетъ, такъ-что я почти разучилась совсѣмъ говорить. А когда я нашалила тому назадъ года два, такъ она видитъ, что меня не удержишь, взяла, призвала меня, да и пришила булавкой мое платье къ своему — и такъ мы съ тѣхъ поръ и сидимъ по цѣлымъ днямъ; она чулокъ вяжетъ, хоть и слѣпая; а я подлѣ нея сяди, шей или книжку вслухъ ей читай — такой странный обычай, что вотъ уже два года пришпиленная...

— Ахъ, Боже мой, какое несчастье! Да нѣтъ же, у меня нѣтъ такой бабушки.

— А коль нѣтъ, такъ какъ это вы можете дома сидѣть?..

— Послушайте, вы хотите знать, кто я таковъ?

— Ну, да, да!

— Въ строгомъ смыслѣ слова?

— Въ самомъ строгомъ смыслѣ слова!

— Извольте, я — типъ.

— Типъ, типъ! какой типъ? закричала дѣвушка, захохотавъ такъ, какъ-будто ей цѣлый годъ не удавалось смѣяться. Послушайте, да съ вами превесело! Видите ли: вотъ здѣсь есть скамейка; сядемъ! Здѣсь никто не ходитъ, насъ никто не услышитъ, и — начинайте-же вашу исторію! потому-что, ужъ вы меня не увѣрите, у васъ есть исторія, а вы только скрываетесь. Во-первыхъ, что это такое типъ?

— Типъ? типъ, это оригиналъ, это такой смѣшной человекъ! отвѣчалъ я, самъ расхохотавшись вслѣдъ за ея дѣтскимъ смѣхомъ. — Это такой характеръ. Слушайте: знаете вы, что такое мечтатель?

— Мечтатель! позвольте, да какъ не знать? я сама мечтатель! Иной разъ сидишь подлѣ бабушки и чего-чего въ голову не войдетъ. Ну, вотъ

и начнешь мечтать, да такъ раздумаешься — ну, просто за китайскаго принца выхожу... А вѣдь это въ другой разъ и хорошо — мечтать! Нѣтъ, впрочемъ, Богъ-знаетъ! Особенно если есть и безъ этого о чемъ думать, прибавила дѣвушка на этотъ разъ довольно-серьезно.

— Превосходно! Ужь коли разъ вы выходили за богдыхана китайскаго, такъ, стало-быть, совершенно поймете меня. Ну, слушайте... Но позвольте; вѣдь я еще не знаю, какъ васъ зовутъ?

— Наконецъ-то! вотъ рано вспомнили!

— Ахъ, Боже мой! да мнѣ и на умъ не пришло, мнѣ было и такъ хорошо...

— Меня зовутъ — Настенька.

— Настенька! и только?

— Только! да не-уже-ли вамъ мало, ненасытный вы этакой!

— Мало ли? Много, много, напротивъ, очень-много, Настенька, добренькая вы дѣвушка, коли съ перваго разу вы для меня стали Настенькой!

— То-то же! ну!

— Ну, вотъ, Настенька, слушайте-ка, какая тутъ выходить смѣшная исторія.

Я усѣлся подлѣ нея, принялъ педантски-серьезную позу, и началъ словно по-писанному:

— Есть, Настенька, если вы того не знаете, есть въ Петербургѣ довольно-странные уголки. Въ эти мѣста какъ-будто не заглядываетъ то же солнце, которое свѣтитъ для всѣхъ петербургскихъ людей, а заглядываетъ какое-то другое, новое, какъ-будто нарочно заказанное для этихъ угловъ, и свѣтитъ на все инымъ, особеннымъ свѣтомъ. Въ этихъ углахъ, милая Настенька, выживается какъ-будто совсѣмъ другая жизнь, непохожая на ту, которая возлѣ насъ кипитъ, а такая, которая можетъ быть въ тридцатомъ невѣдомомъ царствѣ, а не у насъ, въ наше серьезное, пресерьезное время. Вотъ эта-то жизнь и есть смѣсь чего-то чисто-фантастическаго, горячо-идеальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ (увы, Настенька!) тускло-прозаичнаго и обыкновеннаго, чтобъ не сказать: до невѣроятности пошлаго.

— Фу! Господи Боже мой! какое предисловіе! Что же это я такое услышу?

— Услышите вы, Настенька (мнѣ кажется, я никогда не устану называть васъ Настенькой), услышите вы, что въ этихъ углахъ проживаютъ странные люди — мечтатели. Мечтатель — если нужно его подробное опредѣленіе — не человѣкъ, а, знаете, какое-то существо средняго рода. Селится онъ большею частію гдѣ-нибудь въ неприступномъ углу,

какъ-будто таится въ немъ даже отъ дневнаго свѣта, и ужь если заберется къ себѣ, то такъ и прирастетъ къ своему углу, какъ улитка, или, по-крайней-мѣрѣ, онъ очень-похожъ въ этомъ отношеніи на то занимательное животное, которое и животное и домъ вмѣстѣ, которое называется черепахой. Какъ вы думаете, отъ-чего онъ такъ любитъ свои четыре стѣны, выкрашенныя непременно зеленою краскою, закоптѣлыя, унылыя и непозволительно обкуреныя? Зачѣмъ этотъ смѣшной господинъ, когда его приходитъ навѣстить кто-нибудь изъ его рѣдкихъ знакомыхъ (а кончаетъ онъ тѣмъ, что знакомые у него всѣ переводятся), зачѣмъ этотъ смѣшной человѣкъ встрѣчаетъ его такъ сконфузившись, такъ измѣнившись въ лицѣ и въ такомъ замѣшательствѣ, какъ-будто онъ только-что сдѣлалъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ преступленіе, какъ-будто онъ фабриковалъ фальшивыя бумажки или какіе-нибудь стишки для отсылки въ журналъ при анонимномъ письмѣ, въ которомъ обозначается, что настоящій поэтъ уже умеръ и что другъ его считаетъ священнымъ долгомъ опубликовать его вирши? Отъ-чего, скажите мнѣ, Настенька, разговоръ такъ не вяжется у этихъ двухъ собесѣдниковъ? отъ-чего ни смѣхъ, ни какое-нибудь бойкое словцо не слетаетъ съ языка внезапно-вошедшаго и озадаченнаго пріятеля, который въ другомъ случаѣ очень любитъ и смѣхъ, и бойкое словцо, и разговоры о прекрасномъ полѣ, и другія веселыя тѣмы? Отъ-чего же, наконецъ, этотъ пріятель, вѣроятно, недавній знакомый, и при первомъ визитѣ, потому-что втораго въ такомъ случаѣ уже не будетъ и пріятель другой разъ не прійдетъ — отъ-чего самъ пріятель такъ конфузится, такъ костенѣетъ, при всемъ своемъ остроуміи (если только оно есть у него), глядя на опрокинутое лицо хозяина, который въ свою очередь уже совсѣмъ успѣлъ потеряться и сбиться съ послѣдняго толка послѣ исполинскихъ, но тщетныхъ усилій разглядить и упестрить разговоръ, показать, и съ своей стороны, знаніе свѣтскости, тоже заговорить о прекрасномъ полѣ и хоть такую покорностію понравиться бѣдному, не туда попавшему человѣку, который ошибкою пришелъ къ нему въ гости? Отъ-чего, наконецъ, гость вдругъ хватается за шляпу и быстро уходитъ, внезапно вспомнивъ о самонужнѣйшемъ дѣлѣ, котораго никогда не бывало, и кое-какъ высвобождаетъ свою руку изъ жаркихъ пожатій хозяина, всячески старающагося показать свое раскаяніе и поправить потерянное? Отъ-чего уходящій пріятель хохочетъ, выйдя за дверь, тутъ же даетъ самому-себѣ слово никогда не приходитъ къ этому чудаку, хотя этотъ чудакъ въ сущности и превосходнѣйшій малый, и въ то же время никакъ не можетъ отказать своему воображенію въ маленькой прихоти: сравнить, хоть отдаленнымъ образомъ, фізіономію своего недавняго собесѣдника

во все время свиданія съ видомъ того несчастнаго котеночка, котораго измяли, застращали и всячески обидѣли дѣти, вѣроломно захвативъ его въ плѣнъ, сконфузили въ прахъ, который забился наконецъ отъ нихъ подъ стулъ, въ темноту, и тамъ цѣлый часъ на досугъ принужденъ ощепиниваться, отфыркиваться и мыть свое обиженное рыльцо обѣими лапами и долго еще послѣ того враждебно взирать на природу и жизнь и даже на подачку съ господскаго обѣда, припасенную для него сострада- тельною ключницею?

— Послушайте, перебила Настенька, которая все время слушала меня въ удивленіи, открывъ глаза и ротикъ: — послушайте: я совершенно не знаю, отъ-чего все это произошло и почему именно вы мнѣ предлагаете такіе смѣшные вопросы; но что я знаю навѣрно, такъ то, что всѣ эти приключенія случились непременно съ вами, отъ слова до слова.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я съ самою серьезной миной.

— Ну, коли безъ сомнѣнія, такъ продолжайте, отвѣтила Настенька: — потому-что мнѣ очень хочется знать, чѣмъ это кончится.

— Вы хотите знать, Настенька, что такое дѣлалъ въ своемъ углу нашъ герой, или, лучше сказать, я, потому-что герой всего дѣла — я, своей собственной, скромной особой; вы хотите знать, отъ-чего я такъ переполошился и потерялся на цѣлый день отъ неожиданнаго визита пріятеля? Вы хотите знать, отъ-чего я такъ вспорхнулся, такъ покраснѣлъ, когда отворили дверь въ мою комнату, почему я не умѣлъ принять гостя и такъ постыдно погибъ подъ тяжестью собственнаго гостепріимства?

— Ну, да, да! отвѣчала Настенька: — въ этомъ и дѣло. Послушайте: вы прекрасно рассказываете, но нельзя ли рассказывать какъ-нибудь не такъ прекрасно? А то вы говорите, точно книгу читаете.

— Настенька! отвѣчалъ я важнымъ и строгимъ голосомъ, едва удерживаясь отъ смѣха: — милая Настенька, я знаю, что я рассказываю прекрасно, но — виноватъ, иначе я рассказывать не умѣю. Теперь, милая Настенька, теперь я похожъ на духъ царя Соломона, который былъ тысячу лѣтъ въ кубышкѣ, подъ семью печатями, и съ котораго наконецъ сняли всѣ эти семь печатей. Теперь, милая Настенька, когда мы сошлись опять послѣ такой долгой разлуки — потому-что я васъ давно уже зналъ, Настенька, потому-что я уже давно кого-то искалъ, а это знакъ, что я искалъ именно васъ, и что намъ было суждено теперь свидѣться — теперь въ моей головѣ открылись тысячи клапановъ, и я долженъ пролиться рѣкою словъ, не то я задохнусь. Итакъ, прошу не перебивать меня, Настенька, а слушать покорно и послушно; иначе — я замолчу.

— Ни, ни, ни! никакъ! говорите! Теперь я не скажу ни слова.

— Продолжаю: есть, другъ мой, Настенька, въ моемъ днѣ одинъ часъ, который я чрезвычайно люблю. Это тотъ самый часъ, когда кончаются почти всякія дѣла, должности и обязательства, и всѣ спѣшатъ по домамъ пообѣдать, прилечь отдохнуть, и тутъ же, въ дорогѣ, изобрѣтая и другія веселыя тѣмы, касающіяся вечера, ночи и всего остающагося свободнаго времени. Въ этотъ часъ и нашъ герой — потому-что ужъ позовьте мнѣ, Настенька, рассказывать въ третьемъ лицѣ, затѣмъ, что въ первомъ лицѣ все это ужасно стыдно рассказывать — итакъ, въ этотъ часъ и нашъ герой, который тоже былъ не безъ дѣла, шагаетъ за прочими. Но странное чувство удовольствія играетъ на его блѣдномъ, какъ-будто нѣсколько-измятомъ лицѣ. Неравнодушно смотритъ онъ на вечернюю зарю, которая медленно гаснетъ на холодномъ петербургскомъ небѣ. Когда я говорю — смотритъ, такъ я лгу: онъ не смотритъ, но созерцаетъ какъ-то безотчетно, какъ-будто усталый или занятый въ то же время какимъ-нибудь другимъ, болѣе-интереснымъ предметомъ, такъ-что развѣ только мелькомъ, почти-неволью можетъ удѣлить время на все окружающее. Онъ доволенъ, потому-что покончилъ до завтра съ досадными для него *дѣлами*, и радъ, какъ школьникъ, котораго выпустили съ классной скамьи къ любимымъ играмъ и шалостямъ. Посмотрите на него съ боку, Настенька: вы тотчасъ увидите, что радостное чувство уже счастливо подѣйствовало на его слабые нервы и болѣзненно-раздраженную фантазію. Вотъ онъ объ чемъ-то задумался... Вы думаете объ обѣдѣ? о сегодняшнемъ вечерѣ? На что онъ такъ смотритъ? На этого ли господина солидной наружности, который такъ картинно поклонился дамѣ, прокатившейся мимо него на рѣзвоногихъ коняхъ, въ блестящей каретѣ? Нѣтъ, Настенька, что ему теперь до всей этой мелочи! Онъ теперь уже богатъ *своею особенною* жизнію, и дорога не даетъ ему никакихъ впечатлѣній; онъ какъ-то вдругъ сталъ богатымъ, и прощальный лучъ потухающаго солнца не напрасно такъ весело сверкнулъ передъ нимъ и вызвалъ изъ согрѣтаго сердца цѣлый рой впечатлѣній. Теперь онъ едва замѣчаетъ ту дорогу, на которой прежде самая мелкая мелочь могла поразить его. Теперь "богиня фантазія" (если вы читали Жуковскаго, милая Настенька) уже заткала прихотливою рукою свою золотую основу и пошла развивать передъ нимъ узоры небывалой, причудливой жизни — и, кто знаетъ, можетъ, перенесла его прихотливой рукою на седьмое хрустальное небо съ превосходнаго гранитнаго троттуара, по которому онъ идетъ во-свояси. Попробуйте остановить его теперь, спросите его вдругъ: гдѣ онъ теперь стоитъ, по какимъ улицамъ шелъ? — онъ навѣрно бы ничего не припомнилъ, ни того, гдѣ ходилъ, ни того, гдѣ стоялъ теперь, и, покраснѣвъ съ досады, непременно солгалъ бы что-

нибудь для спасенія приличій. Вотъ почему онъ такъ вздрогнулъ, чуть не закричалъ и съ испугомъ оглядѣлся кругомъ, когда одна очень-почтенная старушка учтиво остановила его посреди троттуара и стала расспрашивать его о дорогѣ, которую она потеряла. Нахмурясь съ досады, шагаетъ онъ дальше, едва замѣчая, что не одинъ прохожій улынулся, на него глядя, и обратился ему вслѣдъ, и что какая-нибудь маленькая дѣвочка, боязливо уступившая ему дорогу, громко засмѣялась, посмотрѣвъ во всѣ глаза на его широкую созерцательную улыбку и жесты руками. Но все та же фантазія подхватила на своемъ игривомъ полетѣ и старушку, и любопытныхъ прохожихъ, и смѣющуюся дѣвочку, и мужичковъ, которые тутъ же вечеряютъ на своихъ баркахъ, запрудившихъ Фонтанку (положимъ, въ это время по ней проходилъ нашъ герой), заткала шаловливо всѣхъ и все въ свою канву, какъ мухъ въ паутину, и съ новымъ пріобрѣтеніемъ чудакъ уже вошелъ къ себѣ въ отрадную норку, уже сѣлъ за обѣдъ, уже давно отобѣдалъ и очнулся только тогда, когда задумчивая и вѣчно-печальная Матрена, которая ему прислуживаетъ, уже все прибрала со стола и подала ему трубку, очнулся и съ удивленіемъ вспомнилъ, что онъ уже совсѣмъ пообѣдалъ, рѣшительно проглядѣвъ, какъ это сдѣлалось. Въ комнатѣ потемнѣло; на душѣ его пусто и грустно; цѣлое царство мечтаній рушилось вокругъ него, рушилось безъ слѣда, безъ шума и треска, пронеслось какъ сновидѣніе, а онъ и самъ не помнитъ, что ему грезилось. Но какое-то темное ощущеніе, отъ котораго слегка заныла и волнуется грудь его, какое-то новое желаніе соблазнительно щекочетъ и раздражаетъ его фантазію и незамѣтно сзываетъ цѣлый рой новыхъ призраковъ. Въ маленькой комнатѣ царствуетъ тишина; уединеніе и лѣнь нѣжатъ воображеніе; оно воспламеняется слегка, слегка закипаетъ какъ вода въ кофейникѣ старой Матрены, которая безмятежно возится рядомъ, въ кухнѣ, стряпая свой кухарочный кофе. Вотъ оно уже слегка прорывается вспышками, вотъ уже и книга, взятая безъ цѣли и наудачу, выпадаетъ изъ рукъ моего мечтателя, недошедшаго и до третьей страницы. Воображеніе его снова настроено, возбуждено, и вдругъ опять новый міръ, новая, очаровательная жизнь блеснула передъ нимъ въ блестящей своей перспективѣ. Новый сонъ — новое счастье! Новый пріемъ утонченнаго, сладострастнаго яда! О, что ему въ нашей дѣйствительной жизни! На его подкупленный взглядъ мы съ вами, Настенька, живемъ такъ лѣниво, медленно, вяло; на его взглядъ мы всѣ такъ недовольны нашею судьбою, такъ томимся нашею жизнію! Да и вправду, Настенька, смотрите, въ-самомъ-дѣлѣ, какъ на первый взглядъ все между нами холодно, угрюмо, точно сердито... Бѣдные! думаетъ мой мечтатель. Да и не

диво, что думаетъ! Посмотрите на эти волшебные призраки, которые такъ очаровательно, такъ прихотливо, такъ безбрежно и широко слагаются передъ нимъ въ такой волшебной, одушевленной картинѣ, гдѣ, на первомъ планѣ, первымъ лицомъ, ужь конечно, онъ самъ, нашъ мечтатель, своею дорогою особою. Посмотрите, какія разнообразныя приключенія, какой безконечный рой восторженныхъ грезъ., то граціозныхъ и нѣжныхъ, то бурныхъ и пламенныхъ, то сладко-грустныхъ или томительно-радостныхъ! Нѣтъ, Настенька, что ему, что ему, сладострастному лѣнивцу, въ той жизни, въ которую намъ такъ хочется съ вами? Бѣдная, жалкая жизнь эта! думаетъ онъ, не предугадывая, что и для него, можетъ-быть, когда-нибудь пробьетъ грустный часъ, когда онъ за одинъ день этой жалкой жизни отдастъ всѣ свои фантастическіе годы, и еще не за радость, не за счастье отдастъ, и выбирать не захочетъ въ тотъ часъ грусти, раскаянія и невозбраннаго горя. Но покамѣстъ еще не настало оно, это грозное время — онъ ничего не желаетъ, потому-что онъ выше желаній, потому-что съ нимъ все, потому-что онъ пресыщенъ, потому-что онъ самъ художникъ своей жизни и творитъ ее себѣ каждый часъ по новому произволу. Онъ захочетъ — и вѣка, по одному мановенію фантазіи, исчезаютъ передъ нимъ и предстаетъ ему давно-прошедшее. Древность угрюмая разоблачается отъ своего тумана. Все, что манитъ и волнуетъ нашъ духъ, все, что еще съ дѣтства влечетъ насъ къ себѣ неотразимымъ призывомъ и соблазнительно манитъ насъ въ жизнь, все передъ нимъ воплощается въ такую роскошную, такую сладостную форму!.. И вѣдь такъ легко, такъ натурально создается этотъ сказочный фантастическій міръ! Какъ-будто и въ-самомъ-дѣлѣ живешь въ этихъ небывалыхъ мірахъ! Какъ-будто и впрямъ все это не призракъ! Право, вѣрить готовъ въ иную минуту, что вся эта жизнь не заблужденіе чувства, не миражъ, не обманъ воображенія, а что это и впрямъ дѣйствительное, настоящее, сущее! Отъ-чего жь, скажите мнѣ, Настенька, отъ-чего же въ такія минуты стѣсняется духъ? отъ-чего же, какимъ-то волшебствомъ, по какому-то невѣдомому произволу, ускоряется пульсъ, брызжутъ слезы изъ глазъ мечтателя, горятъ его блѣдныя, увлаженныя щеки и такой неотразимой отрадой наполняется все существованіе его? Отъ-чего же цѣлыя безсонныя ночи проходятъ какъ одинъ мигъ въ неистощимомъ веселіи и счастіи, и когда заря блеснетъ розовымъ лучомъ въ окна и разсвѣтъ освѣтитъ угрюмую комнатку своимъ сомнительнымъ фантастическимъ свѣтомъ, нашъ мечтатель, утомленный, измученный, бросается на постель и засыпаетъ въ замираніяхъ отъ восторга своего болѣзненно-потрясеннаго духа и съ такою томительно-сладкою болью въ сердцѣ? Да, Настенька, обманешься и неволь-

но вчужѣ повѣришь, что страсть настоящая, истинная волнуетъ душу его, невольно повѣришь, что есть живое, осязаемое въ его безплотныхъ гр захъ! Смотрите — вотъ любовь сошла въ его грудь со всею неистощимою радостью, со всѣми томительными мученіями... Только взгляните на него и убѣдитесь! Вѣрите ли вы, на него глядя, милая Настенька, что дѣйствительно онъ никогда не зналъ той, которую онъ такъ любилъ въ своемъ изступленномъ мечтаніи? Не-уже-ли онъ только и видѣлъ ее въ однихъ обольстительныхъ призракахъ и только лишь снилась ему эта страсть? Не-уже-ли и впрямь не прошли они рука-въ-руку столько годовъ своей жизни — одни, вдвоемъ, отбросивъ весь міръ и соединивъ каждый свой міръ, свою жизнь съ жизнію друга? Неуже-ли не она, въ поздній часъ, когда настала разлука, не она лежала, рыдая и тоскуя, на груди его, не слыша бури, разъигравшейся подъ суровымъ небомъ, не слыша вѣтра, который срывалъ и уносилъ слезы съ черныхъ рѣсницъ ея? Не-уже-ли все это было мечта — и этотъ садъ, унылый, заброшенный и дикій, съ дорожками, заросшими мхомъ, уединенный, угрюмый, гдѣ они такъ часто ходили вдвоемъ, надѣялись, тосковали, любили? И этотъ старый, прадѣдовскій домъ, въ которомъ жила она столько времени уединенно и грустно, съ старымъ, угрюмымъ мужемъ, вѣчно-молчаливымъ и желчнымъ, пугавшимъ ихъ, робкихъ какъ дѣтей, уныло и боязливо таившихъ другъ отъ друга любовь свою? Какъ они мучились, какъ боялись они, какъ невинна, чиста была ихъ любовь и какъ (ужь, разумѣется, Настенька) злы были люди! И Боже мой, не-уже-ли не ее встрѣтилъ онъ, потомъ, далеко отъ береговъ своей родины, подъ чужимъ небомъ, полуденнымъ, жаркимъ, въ дивномъ вѣчномъ городѣ, въ блескѣ бала, при громѣ музыки, въ палаццо (непремѣнно въ палаццо), потонушемъ въ морѣ огней, на этомъ балконѣ, увитомъ миртомъ и розами, гдѣ она, узнавъ его, такъ поспѣшно сняла свою маску и, прошептавъ: "я свободна", задрожавъ, зарыдавъ, бросилась въ его объятія, и, вскрикнувъ отъ восторга, прижавшись другъ къ другу, они въ одинъ мигъ забыли и горе, и разлуку, и всѣ мученія, и угрюмый домъ, и старика, и мрачный садъ въ далекой родинѣ, и скамейку, на которой, съ послѣднимъ страстнымъ поцалуемъ, она вырвалась изъ занѣмѣвшихъ въ отчаянной мукѣ объятій его... О, согласитесь, милая Настенька, что вспорхнешься, смутишься и покраснѣешь какъ школьникъ, только-что запихавшій въ карманъ украденное изъ сосѣдняго сада яблоко, когда какой-нибудь длинный, здоровый парень, весельчакъ и балагуръ, вашъ незванный пріятель, отворитъ вашу дверь и крикнетъ, какъ-будто ничего не бывало: "а я, братъ, сію минуту изъ Павловска!" Боже мой! старый

графъ умеръ, настаетъ неизрѣченное счастье — а тутъ люди приѣзжаютъ изъ Павловска!

Я патетически замолчалъ, кончивъ мои патетическіе возгласы. Помню, что мнѣ ужасно хотѣлось какъ-нибудь черезъ силу захохотать, потому-что я уже чувствовалъ, что во мнѣ зашевелился какой-то враждебный бѣсенокъ, что мнѣ уже начинало захватывать горло, подергивать подбородокъ, и что все болѣе-и-болѣе влажнѣли глаза мои... Я ожидалъ, что Настенька, которая слушала меня, открывъ свои умные глазки, захохочетъ всѣмъ своимъ дѣтскимъ, неудержимо-веселымъ смѣхомъ, и уже раскаявался, что зашелъ далеко, что напрасно рассказалъ то, что уже давно накипѣло въ моемъ сердцѣ, о чемъ я могъ говорить какъ по писанному, потому-что уже давно приготовилъ я надъ самимъ-собою приговоръ, и теперь не удержался, чтобъ не прочесть его, признаться, не ожидая, что меня поймутъ; но къ удивленію моему она промолчала, погода немного, слегка пожала мнѣ руку и съ какимъ-то робкимъ участіемъ спросила:

— Не-уже-ли и въ-самомъ-дѣлѣ вы такъ прожили всю свою жизнь?

— Всю жизнь, Настенька, отвѣчалъ я: — всю жизнь, и, кажется, такъ и окончу!

— Нѣтъ, этого нельзя, сказала она безпокойно: — этого не будетъ; этакъ, пожалуй, и я проживу всю жизнь подлѣ бабушки. Послушайте, знаете ли, что это вовсе нехорошо такъ жить?

— Знаю, Настенька, знаю! вскричалъ я, не удерживая болѣе своего чувства. — И теперь знаю больше, чѣмъ когда-нибудь, что я даромъ потерялъ всѣ свои лучшіе годы! Теперь это я знаю, и чувствую больнѣе отъ такого сознанія, потому-что самъ Богъ послалъ мнѣ васъ, моего добраго ангела, чтобъ сказать это мнѣ и доказать. Теперь, когда я сижу подлѣ васъ и говорю съ вами, мнѣ ужъ и страшно подумать о будущемъ, потому-что въ будущемъ — опять одиночество, опять эта затхлая, ненужная жизнь; и о чемъ мечтать будетъ мнѣ, когда я уже на яву подлѣ васъ былъ такъ счастливъ! О, будьте благословенны, вы, милая дѣвушка, за то, что не отвергли меня съ перваго раза, за то, что уже я могу теперь сказать, что я жилъ хоть два вечера въ моей жизни!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала Настенька, и слезинки заблестали на глазахъ ея: — нѣтъ, такъ не будетъ больше; мы такъ не разстанемся!

— Охъ, Настенька, Настенька! знаете ли, какъ надолго вы помирили меня съ самимъ собою? знаете ли, что уже я теперь не буду о себѣ думать такъ худо, какъ думалъ въ инныя минуты? Знаете ли, что уже я, можетъ-быть, не буду болѣе тосковать о томъ, что сдѣлалъ преступленіе и грѣхъ въ моей жизни, потому-что такая жизнь есть преступленіе и

грѣхъ? И не думайте, чтобъ я вамъ преувеличивалъ что-нибудь, ради Бога, не думайте этого, Настенька, потому-что на меня иногда находятъ минуты такой тоски, такой тоски... Потому-что мнѣ уже начинаетъ казаться въ эти минуты, что я никогда неспособенъ начать жить настоящею жизнію, потому-что мнѣ уже казалось, что я потерялъ всякій тактъ, всякое чутье въ настоящемъ, дѣйствительномъ; потому-что, наконецъ, я проклиналъ самъ себя; потому-что послѣ моихъ фантастическихъ ночей, на меня уже находятъ минуты отрезвленія, которыя ужасны; потому-что въ эти минуты отрезвленія ощущаешь всю пустоту, всю безплотность этой фантастической жизни; между-тѣмъ, слышишь, какъ кругомъ тебя гремитъ и кружится въ жизненномъ вихрѣ людская толпа, слышишь, видишь, какъ живутъ люди — живутъ на яву, видишь, что жизнь для нихъ не заказана, что ихъ жизнь не разлетится какъ сонъ, какъ видѣніе, что ихъ жизнь вѣчно обновляющаяся, вѣчно юная, и ни одинъ часъ ея не похожъ на другой, тогда какъ уныла и до пошлости однообразна пугливая фантазія, раба тѣни, идеи, раба перваго облака, которое внезапно застелетъ солнце и сожметъ тоскою настоящее петербургское сердце, которое такъ дорожитъ своимъ солнцемъ — а ужъ въ тоскѣ какая фантазія! Чувствуешь, что она наконецъ устаетъ, истощается въ вѣчномъ напряженіи эта неистощимая фантазія, потому-что вѣдь мужайешь, выживаешь изъ прежнихъ своихъ идеаловъ; они разбиваются въ пыль, въ обломки; если жъ нѣтъ другой жизни, такъ приходится строить ее изъ этихъ же обломковъ. А между-тѣмъ чего-то другаго просить и хотеть душа! И напрасно мечтатель роется, какъ въ золѣ, въ своихъ старыхъ мечтаніяхъ, ища въ этой золѣ хоть какой-нибудь искорки, чтобъ раздуть ее, возобновленнымъ огнемъ пригрѣть похолодѣвшее сердце и воскресить въ немъ снова все, что было прежде такъ мило, что трогало душу, что кипятило кровь, что вырывало слезы изъ глазъ и такъ роскошно обманывало! Знаете ли, Настенька, до чего я дошелъ? знаете ли, что я уже принужденъ справлять годовщину своихъ ощущеній, годовщину того, что было прежде такъ мило, чего въ сущности никогда не бывало — потому-что эта годовщина справляется все по тѣмъ же глупымъ, безплотнымъ мечтаніямъ — и дѣлать это, потому-что и этихъ-то глупыхъ мечтаній нѣтъ, затѣмъ что нечѣмъ ихъ выжить: вѣдь и мечты выживаются! Знаете ли, что я люблю теперь припомнить и посѣтитъ въ извѣстный срокъ тѣ мѣста, гдѣ былъ счастливъ когда-то по-своему, люблю построить свое настоящее подъ ладъ уже безвозвратно-прошедшему, и часто брожу какъ тѣнь безъ нужды и безъ цѣли, уныло и грустно по петербургскимъ закоулкамъ и улицамъ. Какія все воспоминанія! Припоминается, напримѣръ, что вотъ здѣсь, ровно годъ

тому назадъ, ровно въ это же время, въ этотъ же часъ, по этому же троттуару, бродилъ такъ же одиноко, такъ же уныло, какъ и теперь! И припоминаешь, что и тогда мечты были грустны, и хоть и прежде было не лучше, но все какъ-то чувствуешь, что какъ-будто и легче, и покойнѣе было жить, что не было этой черной думы, которая теперь привязалась ко мнѣ; что не было этихъ угрызений совѣсти, угрызений мрачныхъ, угрюмыхъ, которыя ни днемъ, ни ночью теперь не даютъ покоя. И спрашиваешь себя: гдѣ же мечты твои? и покачиваешь головою, говоришь: какъ быстро летятъ годы! И опять спрашиваешь себя: что же ты сдѣлалъ съ своими годами? куда ты схоронилъ свои лучшіе дни? Ты жилъ или нѣтъ? Смотри, говоришь себѣ, смотри, какъ на свѣтѣ становится холодно. Еще пройдутъ годы и за ними прійдетъ угрюмое одиночество, прійдетъ съ клюкой трясухая старость, а за ними тоска и уныніе. Поблѣднѣетъ твой фантастическій міръ, замрутъ, увянутъ мечты твои и осыплются какъ желтые листья съ деревьевъ... О, Настенька! вѣдь грустно будетъ оставаться одному, одному совершенно, и даже не имѣть чего пожалѣть — ничего, ровно ничего... потому-что все, что потерялъ-то, все это, все было ничто, глупый, круглый нуль, было одно лишь мечтанье!

— Ну, не разжалобливайте меня больше! проговорила Настенька, утирая слезинку, которая выкатилась изъ глазъ ея. — Теперь кончено! Теперь мы будемъ вдвоемъ; теперь что ни случись со мной, ужъ мы никогда не разстанемся. Послушайте. Я простая дѣвушка, я мало училась, хотя мнѣ бабушка и нанимала учителя; но, право, я васъ понимаю, потому-что все, что вы мнѣ пересказали теперь, я ужъ сама прожила, когда бабушка меня пришила къ платью. Конечно, я бы такъ не рассказала хорошо, какъ вы рассказали, я не училась — робко прибавила она, потому-что все еще чувствовала какое-то уваженіе къ моей патетической рѣчи и къ моему высокому слогу, но я очень-рада, что вы совершенно открылись мнѣ. Теперь я васъ знаю, совсѣмъ, всего знаю. И знаете что? я вамъ хочу рассказать и свою исторію, всю безъ утайки, а вы мнѣ послѣ за то дадите совѣтъ. Послушайте, вы умный человѣкъ; общаетесь ли вы, что вы дадите мнѣ этотъ совѣтъ?

— Ахъ, Настенька, Настенька! отвѣчалъ я чуть не плача отъ восторга: — я хоть и никогда не былъ совѣтникомъ, и тѣмъ болѣе умнымъ совѣтникомъ, но теперь вижу, что если мы всегда будемъ такъ жить, то это будетъ какъ-то очень-умно, и каждый другъ другу надаетъ премного умныхъ совѣтовъ! Ну, хорошенькая моя Настенька, какой же вамъ совѣтъ? Говорите мнѣ прямо; я теперь такъ веселъ, счастливъ, смѣлъ и уменъ, что за словомъ не полѣзу въ карманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! перебила Настенька, засмѣявшись: — мнѣ нуженъ не одинъ умный совѣтъ, мнѣ нуженъ совѣтъ сердечный, братскій, такъ какъ-бы вы уже вѣкъ свой любили меня!

— Идетъ, Настенька, идетъ! закричалъ я въ восторгѣ: — и еслибъ я уже двадцать лѣтъ васъ любилъ, то все-таки не любилъ бы сильнѣе те-перешняго!

— Руку вашу! сказала Настенька.

— Вотъ она! отвѣчалъ я, подавая ей руку.

— Итакъ, начнемте мою исторію!

Исторія Настеньки.

— Половину исторіи вы уже знаете, то-есть, вы знаете, что у меня есть старая бабушка...

— Если другая половина такъ же не долга, какъ и эта... перебилъ-было я, засмѣявшись.

— Молчите и слушайте. Прежде всего уговоръ: не перебивать меня, а не то я, пожалуй, собьюсь. Ну, слушайте же смирно.

— Есть у меня старая бабушка. Я къ ней попала еще очень-маленькой дѣвочкой, потому-что у меня умерли и мать и отецъ. Надо думать, что бабушка была прежде богаче, потому-что и теперь вспоми-наетъ о лучшихъ дняхъ. Она же меня выучила по-французски и потомъ наняла мнѣ учителя. Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ (а теперь мнѣ семнадцать), учиться мы кончили. Вотъ въ это время я и нашалила; ужь что я сдѣлала — я вамъ не скажу; довольно того, что проступокъ былъ небольшой. Только бабушка подозвала меня къ себѣ въ одно утро и ска-зала, что такъ-какъ она слѣпа, то за мной не усмотритъ, взяла булавку и пришилила мое платье къ своему, да тутъ и сказала, что такъ мы бу-демъ всю жизнь сидѣть, если, разумѣется, я не сдѣлаюсь лучше. Однимъ словомъ, отойдти никакъ нельзя было: и работай, и читай, и учись — все подлѣ бабушки. Я было-попробовала схитрить одинъ разъ и уговорила сѣсть на мое мѣсто Ѳеклу. Ѳекла — наша работница, она глуха. Ѳекла сѣла вмѣсто меня; бабушка въ это время заснула въ креслахъ, а я от-правилась недалеко къ подругѣ. Ну, худо и кончилось. Бабушка безъ меня проснулась и о чемъ-то спросила, думая, что я все еще сижу смир-но на мѣстѣ. Ѳекла-то видитъ, что бабушка спрашиваетъ, а сама не слышитъ про что, думала, думала, что ей дѣлать, отстегнула булавку, да и пустилась бѣжать...

Тутъ Настенька остановилась и начала хохотать. Я засмѣялся вмѣстѣ съ нею. Она тотчасъ же перестала.

— Послушайте, вы не смѣйтесь надъ бабушкой. Это я смѣюсь отъ-того, что смѣшно... Что же дѣлать, когда бабушка, право, такая, а только я ее все-таки немножко люблю. Ну, да тогда и досталось мнѣ: тотчасъ же меня опять посадили на мѣсто и ужъ ни, ни, шевельнуться было нельзя.

"Ну-съ, я вамъ еще позабыла сказать, что у насъ, то-есть, у бабушки, свой домъ, то-есть, маленькій домикъ, всего три окна, совсѣмъ деревянный и такой же старый, какъ бабушка; а наверху мезонинъ; вотъ и переѣхалъ къ намъ въ мезонинъ новый жилецъ...

— Стало-быть, былъ и старый жилецъ? замѣтилъ я мимоходомъ.

— Ужъ, конечно, былъ, отвѣчала Настенька: — и который умѣлъ молчать лучше васъ. Правда, ужъ онъ едва языкомъ ворочалъ. Это былъ старичокъ, сухой, нѣмой, слѣпой, хромой, такъ-что наконецъ ему стало нельзя жить на свѣтѣ, онъ и умеръ; а за тѣмъ и понадобился новый жилецъ, потому-что намъ безъ жильца жить нельзя: это съ бабушкинымъ пансіономъ почти весь нашъ доходъ. Новый жилецъ какъ нарочно былъ молодой человѣкъ, нездѣшній, заѣзжій. Такъ-какъ онъ не торговался, то бабушка и пустила его, а потомъ и спрашиваетъ: что, Настенька, нашъ жилецъ молодой или нѣтъ? Я солгать не хотѣла: такъ, говорю, бабушка, не то, чтобъ совсѣмъ молодой, а такъ, не старикъ.

— "Ну, и пріятной наружности? спрашиваетъ бабушка.

"Я опять лгать не хочу. Да, пріятной, говорю, наружности, бабушка! А бабушка говоритъ: Ахъ! наказанье, наказанье! Я это, внучка, тебѣ для того говорю, чтобъ ты на него не засматривалась. Экой вѣкъ какой! поди, такой мелкій жилецъ, а вѣдь тоже пріятной наружности; не то въ старину!

А бабушкѣ все бы въ старину! И моложе-то она была въ старину, и солнце-то было въ старину теплѣе, и сливки въ старину не такъ скоро кисли — все въ старину! Вотъ я сижу и молчу, а про себя думаю: что же это бабушка сама меня надоумливаетъ, спрашиваетъ, хорошъ ли, молодъ ли жилецъ? Да только такъ только подумала, и тутъ же стала опять петли считать, чулокъ вязала, а потомъ совсѣмъ позабыла.

"Вотъ, разъ поутру къ намъ и приходитъ жилецъ, спросить о томъ, что ему комнату обѣщали обоями оклеить. Слово за слово, бабушка же болтлива, и говоритъ: сходи, Настенька, ко мнѣ въ спальню, принеси счеты. Я тотчасъ же вскочила, вся не знаю отъ-чего покраснѣла, да и позабыла, что сижу пришипленная; нѣтъ, чтобъ тихонько отшпилить, чтобъ жилецъ не видалъ, — рванулась такъ, что бабушкино кресло

поѣхало. Какъ я увидѣла, что жилецъ все теперь узналъ про меня, покраснѣла, стала на мѣстѣ какъ вкопанная, да и залилась слезами — такъ стыдно и горько стало въ эту минуту, что хоть на свѣтъ не глядѣть! Бабушка кричитъ: что жъ ты стоишь? а я еще пуще... Жилецъ какъ увидѣлъ, что мнѣ его стыдно стало, откланялся и тотчасъ ушелъ!

"Съ-тѣхъ-поръ я, чуть шумъ въ сѣняхъ, какъ мертвая. Вотъ, думаю, жилецъ идетъ, да потихоньку на всякій случай и отшпилю булавку. Только все былъ не онъ, не приходилъ. Прошло двѣ недѣли; жилецъ и присылаетъ сказать съ Ѳеклой, что у него книгъ много французскихъ, и что все хорошія книги, такъ-что можно читать; такъ не хочетъ ли бабушка, чтобъ я ихъ ей почитала, чтобъ не было скучно? Бабушка согласилась съ благодарностью, только все спрашивала нравственныя книги, или нѣтъ, потому-что если книги безнравственныя, такъ тебѣ, говорить, Настенька, читать никакъ-нельзя, ты дурному научишься.

— "А чему жъ научусь, бабушка? что тамъ написано?"

— "А! говорить, описано въ нихъ, какъ молодые люди соблазняютъ благонравныхъ дѣвицъ, какъ они, подъ предлогомъ того, что хотятъ ихъ взять за себя, увозятъ ихъ изъ дому родительскаго, какъ потомъ оставляютъ этихъ несчастныхъ дѣвицъ на волю судьбы и онѣ погибаютъ самымъ плачевнымъ образомъ. Я, говорить бабушка: — много такихъ книжекъ читала, и все, говорить, такъ прекрасно описано, что ночь сидишь, тихонько читаешь. Такъ ты, говорить, Настенька, смотри, ихъ не прочти. Какихъ это, говорить, онъ книгъ прислалъ?"

— "А все Вальтера Скотта романы, бабушка.

— "Вальтера Скотта романы! А полно, нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь шашней? Посмотри-ка, не положилъ ли онъ въ нихъ какой-нибудь любовной записочки?"

— "Нѣтъ, говорю, бабушка, нѣтъ записочки.

— "Да ты подъ переплетомъ посмотри; они иногда въ переплетъ записываютъ, разбойники!..

— "Нѣтъ, бабушка, и подъ переплетомъ нѣтъ ничего.

— "Ну, то-то же!

Вотъ мы и начали читать Вальтеръ Скотта и въ какой-нибудь мѣсяцъ почти половину прочли. Потомъ онъ еще и еще прислалъ, Пушкина прислалъ, такъ-что наконецъ я безъ книгъ и быть не могла и перестала думать, какъ бы выйдти за китайскаго принца.

"Такъ было дѣло, когда одинъ разъ мнѣ случилось повстрѣчаться съ нашимъ жильцомъ на лѣстницѣ. Бабушка за чѣмъ-то послала меня. Онъ остановился, я покраснѣла, и онъ покраснѣлъ; однако засмѣялся, поздоровался, о бабушкиномъ здоровьѣ спросилъ и говорить: что, вы

книги прочли? Я отвѣчала: прочла. Что же, говоритъ, вамъ больше понравилось? Я и говорю: Ивангое да Пушкинъ больше всѣхъ понравились. На этотъ разъ тѣмъ и кончилось.

"Черезъ недѣлю, я ему опять попала на лѣстницѣ. Въ этотъ разъ, бабушка не посылала, а мнѣ самой надо было за чѣмъ-то. Былъ третій часъ, а жилецъ въ это время всегда домой приходилъ. Здравствуйте! говорить. Я ему: здравствуйте!

— "А что, говоритъ, вамъ не скучно цѣлый день сидѣть вмѣстѣ съ бабушкой?"

"Какъ онъ это у меня спросилъ, я ужъ, не знаю отъ-чего, покраснѣла, застыдилась и опять мнѣ стало обидно, видно отъ-того, что ужъ другіе про это дѣло спрашивать стали. Я ужъ было-хотѣла не отвѣчать и уйти, да силъ не было.

— "Послушайте, говоритъ, вы добрая дѣвушка! Извините, что я съ вами такъ говорю, но, увѣряю васъ, я вамъ лучше бабушки вашей желаю добра. У васъ подругъ нѣтъ никакихъ, къ которымъ бы можно было въ гости пойдти?"

"Я говорю, что никакихъ, что была одна, Машенька, да и та въ Псковъ уѣхала.

— "Послушайте, говоритъ, хотите со мною въ театръ поѣхать?"

— "Въ театръ? какъ же бабушка-то?"

— "Да вы, говоритъ, тихонько отъ бабушки..."

— "Нѣтъ, говорю, я бабушку обманывать не хочу. Прощайте-съ!"

— "Ну, прощайте, говоритъ, а самъ ничего не сказалъ.

Только послѣ обѣда и приходитъ онъ къ намъ; сѣлъ, долго говорилъ съ бабушкой, спрашивалъ, что она выѣзжаетъ ли куда-нибудь, есть ли знакомые — да вдругъ и говоритъ: а сегодня я-было ложу взялъ въ оперу; "Севильскаго Цирюльника" даютъ, знакомыя ѣхать хотѣли, да потомъ отказались, у меня и остался билетъ на рукахъ.

— "Севильскаго Цирюльника"! закричала бабушка: — да это тотъ самый цирюльникъ, котораго въ старину давали?"

— "Да, говоритъ, это тотъ самый цирюльникъ, да и взглянулъ на меня. А я ужъ все поняла, покраснѣла, и у меня сердце отъ ожиданія запрыгало.

— "Да какъ же, говоритъ бабушка: — какъ не знать! Я сама въ старину на домашнемъ театрѣ Розину играла!"

— "Такъ не хотите ли ѣхать сегодня? сказалъ жилецъ. — У меня билетъ пропадетъ же даромъ.

— "Да, пожалуй, поѣдемъ, говоритъ бабушка: — отъ-чего жъ не поѣхать? А вотъ у меня Настенька въ театрѣ никогда не была.

"Боже мой, какая радость! Тотчасъ же мы собрались, снарядились и поѣхали. Бабушка хоть и слѣпа, а все-таки ей хотѣлось музыку слушать, да кромѣ того она старушка добрая: больше меня потѣшить хотѣла, сами-то мы никогда бы не собрались. Ужь какое было впечатлѣніе отъ "СевильскагоЦирюльника", я вамъ не скажу, только во весь этотъ вечеръ жилецъ нашъ такъ хорошо смотрѣлъ на меня, такъ хорошо говорилъ, что я тотчасъ увидѣла, что онъ меня хотѣлъ испытать поутру, предложивъ, чтобъ я одна съ нимъ поѣхала. Ну, радость какая! Спать я легла такая гордая, такая веселая, такъ сердце билось, что сдѣлалась маленькая лихорадка, и я всю ночь бредила о "Севильскомъ Цирюльникѣ".

"Я думала, что послѣ этого онъ все будетъ заходить чаще и чаще — не тутъ-то было. Онъ почти совсѣмъ пересталъ. Такъ, одинъ разъ въ мѣсяцъ, бывало, зайдетъ, и то только съ тѣмъ, чтобъ въ театръ пригласить. Раза два мы опять потомъ съѣздили. Только ужь этимъ я была совсѣмъ недовольна. Я видѣла, что ему просто жалко было меня за то, что я у бабушки въ такомъ загонѣ, а больше-то и ничего. Дальше и дальше, и нашло на меня: и сидѣть-то я не сижу, и читать-то я не читаю, и работать не работаю, иногда смѣюсь и бабушкѣ что-нибудь на зло дѣлаю, другой разъ просто плачу. Наконецъ, я похудѣла и чуть-было не стала больна. Оперный сезонъ прошелъ и жилецъ къ намъ совсѣмъ пересталъ заходить; когда же мы встрѣчались — все на той же лѣстницѣ, разумѣется — онъ такъ молча поклонится, такъ серьезно, какъ-будто и говорить не хочетъ, и ужь сойдетъ совсѣмъ на крыльцо, а я все еще стою на половинѣ лѣстницы, красная какъ вишня, потому-что у меня вся кровь начала бросаться в голову, когда я съ нимъ повстрѣчаюсь.

"Теперь сейчасъ и конецъ. Ровно годъ тому, въ маѣ мѣсяцѣ, жилецъ къ намъ приходитъ и говоритъ бабушкѣ, что онъ выхлопоталъ здѣсь совсѣмъ свое дѣло, и что должно ему опять уѣхать на годъ въ Москву. Я какъ услышала, поблѣднѣла и упала на стулъ какъ мертвая. Бабушка ничего не замѣтила, а онъ, объявивъ, что уѣзжаетъ отъ насъ, откланялся намъ и ушелъ.

"Что мнѣ дѣлать? Я думала, думала, тосковала, тосковала, да наконецъ и рѣшилась. Завтра ему уѣзжать, а я порѣшила, что все кончу вечеромъ, когда бабушка уйдетъ спать. Такъ и случилось. Я навязала въ узелокъ все, что было платьевъ, сколько нужно бѣлья, и съ узелкомъ въ рукахъ, ни жива, ни мертва, пошла въ мезонинъ къ нашему жильцу. Думаю, я шла цѣлый часъ по лѣстницѣ. Когда же отворила къ нему дверь, онъ такъ и вскрикнулъ на меня глядя. Онъ думалъ, что я привидѣніе, и бросился мнѣ воды подать, потому-что я едва стояла на

ногахъ. Сердце такъ билось, что въ головѣ больно было, и разумъ мой помутился. Когда же я очнулась, то начала прямо тѣмъ, что положила свой узелокъ къ нему на постель, сама сѣла подлѣ, закрылась руками и заплакала въ три ручья. Онъ, кажется, мигомъ все понялъ и стоялъ передо мной блѣдный и такъ грустно глядѣлъ на меня, что во мнѣ сердце надорвало.

— "Послушайте, началъ онъ: — послушайте, Настенька, я ничего не могу; я человѣкъ бѣдный; у меня покамѣстъ нѣтъ ничего, даже мѣста порядочнаго; какъ же мы будемъ жить, еслибъ я и женился на васъ?"

"Мы долго говорили, но я наконецъ пришла въ изступленіе, сказала, что не могу жить у бабушки, что убѣгу отъ нея, что не хочу, чтобъ меня булавкой пришиливали, и что я, какъ онъ хочетъ, поѣду съ нимъ въ Москву, потому-что безъ него жить не могу. И стыдъ, и любовь, и гордость — все разомъ говорило во мнѣ, такъ-что наконецъ все это обратилось въ какое-то отчаяніе, и я чуть не въ судорогахъ упала на постель. Я такъ боялась отказа!

"Онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, потомъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за руку.

— "Послушайте, моя добрая, моя милая Настенька! началъ онъ тоже сквозь слезы: — послушайте. Клянусь вамъ, что если когда-нибудь я буду въ состояніи жениться, то непременно вы составите мое счастье; увѣряю, теперь только однѣ вы можете составить мое счастье. Слушайте: я ѣду въ Москву и пробуду тамъ ровно годъ. Я надѣюсь устроить дѣла свои. Когда ворочусь, и если вы меня не разлюбите, клянусь вамъ, мы будемъ счастливы. Теперь же невозможно, я не могу, я не въ правѣ хоть что-нибудь обѣщать. Но повторяю, если черезъ годъ это не сдѣлается, то хоть когда-нибудь непременно будетъ; разумѣется — въ томъ случаѣ, если вы не предпочтете мнѣ другаго, потому-что связывать васъ какимъ-нибудь словомъ я не могу и не смѣю.

"Вотъ, что онъ сказалъ мнѣ и на завтра уѣхалъ. Положено было сообщать бабушкѣ не говорить объ этомъ ни слова. Такъ онъ захотѣлъ. Ну, вотъ, теперь почти и кончена вся моя исторія. Прошелъ ровно годъ. Онъ пріѣхалъ, онъ ужь здѣсь цѣлые три дня и, и..."

— И что же? закричалъ я въ нетерпѣніи услышать конецъ.

— И до-сихъ-поръ не являлся! отвѣчала Настенька, какъ-будто собираясь съ силами: — ни слуху, ни духу...

Тутъ она остановилась, помолчала немного, опустила головку и вдругъ, закрывшись руками, зарыдала такъ, что во мнѣ сердце перевернулось отъ этихъ рыданій.

Я никакъ не ожидалъ подобной развязки.

— Настенька! началъ я робкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — Настенька! ради Бога, не плачьте! Почему вы знаете? можетъ-быть, его еще нѣтъ...

— Здѣсь, здѣсь! подхватила Настенька. — Онъ здѣсь, я это знаю. У насъ было условіе, тогда еще, въ тотъ вечеръ, наканунѣ отъѣзда: когда уже мы сказали все, что я вамъ пересказала, и условились, мы вышли сюда гулять, именно на эту набережную. Было десять часовъ; мы сидѣли на этой скамейкѣ; я уже не плакала, мнѣ было сладко слушать то, что онъ говорилъ.. Онъ сказалъ, что тотчасъ же по приѣздѣ прійдетъ къ намъ, и если я не откажусь отъ него, то мы скажемъ обо всемъ бабушкѣ. Теперь онъ пріѣхалъ, я это знаю, и его нѣтъ, нѣтъ!

И она снова ударилась въ слезы.

— Боже мой! Да развѣ никакъ нельзя помочь горю? закричалъ я, вскочивъ со скамейки въ совершенномъ отчаяніи. — Скажите, Настенька, нельзя ли будетъ хоть мнѣ сходить къ нему?..

— Развѣ это возможно? сказала она, вдругъ поднявъ голову.

— Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ! замѣтилъ я, спохватившись. — А вотъ что: напишите письмо.

— Нѣтъ, это невозможно, это нельзя! отвѣчала она рѣшительно, но уже потупивъ голову и не смотря на меня.

— Какъ нельзя? отъ-чего же нельзя? продолжалъ я, ухватившись за свою идею. — Но, знаете, Настенька, какое письмо! Письмо письму рознь и... Ахъ, Настенька, это такъ! Ввѣрьтесь мнѣ, ввѣрьтесь! Я вамъ не дамъ дурнаго совѣта. Все это можно устроить! Вы же начали первый шагъ — отъ-чего же теперь...

— Нельзя, нельзя! Тогда я какъ-будто навязываюсь...

— Ахъ, добренькая моя Настенька! перебилъ я, не скрывая улыбки: — нѣтъ же, нѣтъ; вы, наконецъ, въ правѣ, потому-что онъ вамъ обѣщалъ. Да и по всему я вижу, что онъ человѣкъ деликатный, что онъ поступилъ хорошо, продолжалъ я, все болѣе и болѣе восторгаясь отъ логичности собственныхъ доводовъ и убѣжденій: — онъ какъ поступилъ? Онъ себя связалъ обѣщаніемъ. Онъ сказалъ, что ни на комъ не женится кромѣ васъ, если только женится; вамъ же онъ оставилъ полную свободу хоть сейчасъ отъ него отказаться... Въ такомъ случаѣ, вы можете сдѣлать первый шагъ, вы имѣете право, вы имѣете передъ нимъ преимущество, хоть бы, напримѣръ, еслибъ захотѣли развязать его отъ даннаго слова...

— Послушайте, вы какъ бы написали?

— Что?

— Да это письмо.

— Я бы вотъ какъ написалъ:

Милостивый государь...

— Это такъ непрѣнно нужно — милостивый государь?

— Непрѣнно!.. Впрочемъ, отъ-чего жь? я думаю...

— Ну, ну! дальше!

"Милостивый государь!

"Извините, что я..." Впрочемъ, нѣтъ, не нужно никакихъ извиненій! Тутъ самый фактъ все оправдываетъ; пишите просто:

"Я пишу къ вамъ. Простите мнѣ мое нетерпѣніе; но я цѣлый годъ была счастлива надеждой; виновата ли я, что не могу теперь вынести и дня сомнѣнія? Теперь, когда уже вы пріѣхали, можетъ-быть, вы уже измѣнили свои намѣренія. Тогда это письмо скажетъ вамъ, что я не ропщу и не обвиняю васъ. Я не обвиню васъ за то, что невластна надъ вашимъ сердцемъ; такова ужь судьба моя!

"Вы благородный человекъ. Вы не улыбнетесь и не подосадуete на мои нетерпѣливыя строки. Помните, что ихъ пишетъ бѣдная дѣвушка, что она одна, что некому ни научить ее, ни посовѣтовать ей, и что она никогда не умѣла сама совладѣть съ своимъ сердцемъ. Но простите меня, что въ мою душу хотя на одинъ мигъ закралось сомнѣніе. Вы неспособны даже и мысленно обидѣть ту, которая васъ такъ любила и любить."

— Да, да! это точно такъ, какъ я думала! закричала Настенька, и радость засіяла въ глазахъ ея. — О! вы разрѣшили мои сомнѣнія, васъ мнѣ самъ Богъ послалъ! Благодарю, благодарю васъ!

— За что? за то, что меня Богъ послалъ? отвѣчалъ я, глядя въ восторгъ на ея радостное личико.

— Да, хоть за то.

— Ахъ, Настенька! Вѣдь благодаримъ же мы иныхъ людей хоть за то, что они живутъ вмѣстѣ съ нами. Я благодарю васъ за то, что вы мнѣ встрѣтились, за то, что цѣлый вѣкъ мой буду васъ помнить!

— Ну, довольно, довольно! А теперь вотъ что, слушайте-ка: тогда было условіе, что какъ-только пріѣдетъ онъ, такъ тотчасъ дастъ знать о себѣ тѣмъ, что оставитъ мнѣ письмо въ одномъ мѣстѣ у однихъ моихъ знакомыхъ, добрыхъ и простыхъ людей, которые ничего объ этомъ не знаютъ; или если нельзя будетъ написать ко мнѣ письма, за тѣмъ, что въ письмѣ не всегда все расскажешь, то онъ, въ тотъ же день, какъ пріѣдетъ, будетъ сюда ровно въ десять часовъ, гдѣ мы и положили съ нимъ встрѣтиться. О пріѣздѣ его я уже знаю; но вотъ уже третій день нѣтъ ни письма, ни его. Уйдти мнѣ отъ бабушки поутру никакъ нельзя. Отдайте письмо мое завтра вы сами тѣмъ добрымъ людямъ, о которыхъ я

вамъ говорила: они уже перешлютъ; а если будетъ отвѣтъ, то сами вы принесете его вечеромъ въ десять часовъ.

— Но письмо, письмо! Вѣдь прежде нужно письмо написать! Такъ развѣ послѣ-завтра все это будетъ.

— Письмо... отвѣчала Настенька, немного смѣшавшись: — письмо... но...

Но она не договорила. Она сначала отвернула отъ меня свое личико, покраснѣла какъ роза, и вдругъ я почувствовалъ въ моей рукѣ письмо, повидимому уже давно написанное, совсѣмъ приготовленное и запечатанное. Какое-то знакомое, милое, граціозное воспоминаніе пронеслось въ моей головѣ.

— R, o-Ro, s, i-si, n, a-na, началъ я...

— Rosina! запѣли мы оба, я чуть не обнимая ее отъ восторга, она покраснѣвъ, какъ только могла покраснѣть и смѣясь сквозь слезы, которыя какъ жемчужинки дрожали на ея черныхъ рѣсницахъ.

— Ну, довольно, довольно! Прощайте теперь! сказала она скороговоркой. — Вотъ вамъ письмо, вотъ и адресъ, куда снести его. Прощайте! до свиданія! до завтра!

Она крѣпко сжала мнѣ обѣ руки, кивнула головой и мелькнула какъ стрѣлка въ свой переулочекъ. Я долго стоялъ на мѣстѣ, провожая ее глазами.

— До завтра! до завтра! пронеслось въ моей головѣ, когда она скрылась изъ глазъ моихъ.

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

Сегодня былъ день печальный, дождливый, безъ просвѣта, точно будущая старость моя. Меня тѣснятъ такія странныя мысли, такія темныя ощущенія, такіе еще неясные для меня вопросы толпятся въ моей головѣ — а какъ-то нѣтъ ни силы, ни хотѣнія ихъ разрѣшить. Не мнѣ разрѣшить все это!

Сегодня мы не увидимся. Вчера, когда мы прощались, облака стали заволакивать небо и подымался туманъ. Я сказалъ, что завтра будетъ дурной день; она не отвѣчала, она не хотѣла противъ себя говорить; для нея этотъ день и свѣтелъ и ясенъ, и ни одна тучка не застелетъ ея счастія.

— Коли будетъ дождь, мы не увидимся! сказала она: — я не приѣду.

Я думалъ, что она и не замѣтила сегодняшняго дождя, а, между-тѣмъ, не пришла.

Вчера было наше третье свиданіе, наша третья бѣлая ночь...

Однако, какъ радость и счастье дѣлають человѣка прекраснымъ! какъ кипить сердце любовью! Кажется, хочешь излить все свое сердце въ другое сердце, хочешь, чтобъ все было весело, все смѣялось. И какъ заразительна эта радость! Вчера въ ея словахъ было столько нѣги, столько доброты ко мнѣ въ сердцѣ... Какъ она ухаживала за мной, какъ ласкалась ко мнѣ, какъ ободряла и нѣжила мое сердце! О, сколько кокетства отъ счастья! А я... Я принималъ все за чистую монету; я думалъ, что она...

Но, Боже мой, какъ же могъ я это думать? какъ же могъ я быть такъ слѣпъ, когда уже все взято другимъ, все не мое; когда, наконецъ, даже эта самая нѣжность ея, ея забота, ея любовь... да, любовь ко мнѣ — была не что иное, какъ радость о скоромъ свиданіи съ другимъ, желаніе навязать и мнѣ свое счастье?.. Когда онъ не пришелъ, когда мы прождали напрасно, она же нахмурилась, она же заробѣла и струсила. Всѣ движенія ея, всѣ слова ея уже стали не такъ легки, игривы и веселы. И, странное дѣло — она удвоила ко мнѣ свое вниманіе, какъ-будто инстинктивно желая на меня излить то, чего сама желала себѣ, за что сама боялась, еслибъ оно не сбылось. Говорять, что близость наказанія производитъ въ преступникѣ настоящее раскаяніе и зараждаетъ иногда въ самомъ зачерствѣломъ сердцѣ угрызенія совѣсти. Говорять, что это дѣйствіе страха. Моя Настенька такъ оробѣла, такъ перепугалась, что, кажется, поняла наконецъ, что мнѣ тяжело, что я люблю ее, и сжалилась надъ моей бѣдной любовью. Такъ, когда мы несчастны, мы сильнѣе чувствуемъ несчастье другихъ; чувство не разбивается, а сосредоточивается...

Я пришелъ къ ней съ полнымъ сердцемъ и едва дождался свиданія. Я и не предчувствовалъ того, что буду теперь ощущать, не предчувствовалъ, что все это не такъ кончится. Она сіяла радостью, она ожидала отвѣта. Отвѣтъ былъ онъ самъ. Онъ долженъ былъ прійдти, прибѣжать на ея зовъ. Она пришла раньше меня цѣлымъ часомъ. Сначала она всему хохотала, всякому слову моему смѣялась. Я началъ-было говорить, и умолкъ.

— Знаете ли, отъ-чего я такъ рада? сказала она: — такъ рада на васъ смотрѣть? такъ люблю васъ сегодня?

— Ну? спросилъ я, и сердце мое задрожало.

— Я отъ-того люблю васъ, что вы не влюбились въ меня. Вѣдь вотъ иной, на вашемъ мѣстѣ, сталъ бы беспокоить, приставать, разохался бы, разболѣлся, а вы такой милый!

Тутъ она такъ сжала мою руку, что я чуть не закричалъ. Она засмѣялась.

— Боже! какой вы другъ! начала она черезъ минуту очень-серьезно. — Да васъ Богъ мнѣ послалъ! Ну, что бы со мной было, еслибъ васъ со мной теперь не было? Какой вы безкорыстный! Какъ хорошо вы меня любите! Когда я выйду замужъ, мы будемъ очень-дружны, больше, чѣмъ какъ братья. Я буду васъ любить почти такъ, какъ его...

Мнѣ стало какъ-то ужасно грустно въ это мгновеніе; однакожь, что-то похожее на смѣхъ зашевелилось въ душѣ моей.

— Вы въ припадкѣ, сказалъ я: — вы трусите; вы думаете, что онъ не прійдетъ.

— Богъ съ вами! отвѣчала она: — еслибъ я была меньше счастлива, я бы, кажется, заплакала отъ вашего невѣрія, отъ вашихъ упрековъ. Впрочемъ, вы меня навели на мысль и задали мнѣ долгую думу; но я подумаю послѣ, а теперь признаюсь вамъ, что правду вы говорите. Да! я какъ-то сама не своя; я какъ-то вся въ ожиданіи и чувствую все какъ-то слишкомъ-легко. Да полноте, оставимъ про чувства!..

Въ это время слышались шаги, и въ темнотѣ показался прохожій, который шелъ къ намъ на встрѣчу. Мы оба задрожали; она чуть не вскрикнула. Я опустилъ ея руку и сдѣлалъ жестъ, какъ-будто хотѣлъ отойти. Но мы обманулись: это былъ не онъ.

— Чего вы боитесь? Зачѣмъ вы бросили мою руку? сказала она, подавая мнѣ ее опять. — Ну, что же? мы встрѣтимъ его вмѣстѣ. Я хочу, чтобъ онъ видѣлъ, какъ мы любимъ другъ друга.

— Какъ мы любимъ другъ друга! закричалъ я.

— О, Настенька, Настенька! подумалъ я: — какъ этимъ словомъ ты много сказала! Отъ такой любви, Настенька, въ иной часъ холодѣетъ на сердцѣ и становится тяжело на душѣ. Твоя рука холодна, моя горяча, какъ огонь. Какая слѣпая ты, Настенька!.. О! какъ несносенъ счастливый человѣкъ въ иную минуту! Но я не могъ на тебя разсердиться!

Наконецъ, сердце мое переполнилось.

— Послушайте, Настенька! закричалъ я: — знаете ли, что со мной было весь день?

— Ну, что, что такое? рассказывайте скорѣе! Что жъ вы до-сихъ-поръ все молчали!

— Во-первыхъ, Настенька, я исполниль всѣ ваши комиссіи, отдалъ письмо, былъ у вашихъ добрыхъ людей, и потомъ... потомъ пришелъ домой и легъ спать.

— Только-то? перебила она, засмѣявшись.

— Да, почти только-то, отвѣчалъ я скрѣпя сердце, потому-что въ глазахъ моихъ уже накопились глупыя слезы. — Я проснулся за часъ до нашего свиданія, но какъ-будто и не спалъ. Не знаю, что было со мною. Я шелъ, чтобъ вамъ все это рассказать, какъ-будто время для меня остановилось, какъ-будто одно ощущеніе, одно чувство должно было остаться съ этого времени во мнѣ на вѣчно, какъ-будто одна минута должна была продолжаться цѣлую вѣчность и словно вся жизнь остановилась для меня... Когда я проснулся, мнѣ казалось, что какой-то музыкальный мотивъ, давно-знакомый, гдѣ-то прежде слышанный, забытый и сладостный, теперь вспоминался мнѣ. Мнѣ казалось, что онъ всю жизнь просился изъ души моей, и только теперь...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! перебила Настенька: — какъ же это все такъ? Я не понимаю ни слова.

— Ахъ, Настенька! мнѣ хотѣлось какъ-нибудь передать вамъ это странное впечатлѣніе... началъ я жалобнымъ голосомъ, въ которомъ скрывалась еще надежда, хотя весьма-отдаленная.

— Полноте, перестаньте, полноте! заговорила она и въ одинъ мигъ она догадалась, плутовка!

Вдругъ она сдѣлалась какъ-то необыкновенно-говорлива, весела, шаловлива. Она взяла меня подъ руку, смѣялась, хотѣла, чтобъ и я тоже смѣялся, и каждое смущенное слово мое отзывалось въ ней такимъ звонкимъ, такимъ долгимъ смѣхомъ... Я начиналъ сердиться, она вдругъ пустилась кокетничать.

— Послушайте, начала она: — а вѣдь мнѣ немножко-досадно, что вы не влюбились въ меня. Разберите-ка послѣ этого человѣка! Но все-таки, господинъ непреклонный, вы не можете не похвалить меня за то, что я такая простая. Я вамъ все говорю, все говорю, какая бы глупость ни промелькнула у меня въ головѣ.

— Слушайте! Это одиннадцать часовъ, кажется? сказалъ я, когда мѣрный звукъ колокола загудѣлъ съ отдаленной городской башни. Она вдругъ остановилась, перестала смѣяться и начала считать.

— Да, одиннадцать, сказала она наконецъ робкимъ, нерѣшительнымъ голосомъ. — А что, если онъ не прійдетъ?

Я тотчасъ же раскаялся, что напугалъ ее, заставилъ считать часы и проклялъ себя за припадокъ злости. Мнѣ стало за нее грустно, и я не зналъ, какъ искупить свое прегрѣшеніе. Я началъ ее утѣшать, выиски-

вать причины его отсутствія, подводитъ разные доводы, доказательства. Никого нельзя было легче обмануть, какъ ее, въ эту минуту, да и всякій въ эту минуту какъ-то радостно выслушиваетъ хоть какое бы то ни было утѣшеніе, и радъ, радъ, коли есть хоть тѣнь оправданія.

— Да и смѣшное дѣло, началъ я, все болѣе и болѣе горячась и любясь на необыкновенную ясность своихъ доказательствъ: — да и не могъ онъ прійти; вы и меня обманули и завлекли, Настенька, такъ-что я и времени счетъ потерялъ... Вы только подумайте: онъ едва могъ получить письмо; положимъ, ему нельзя прійти, положимъ, онъ будетъ отвѣчать, такъ письмо прійдетъ не раньше, какъ завтра. Я за нимъ завтра чѣмъ-свѣтъ схожу и тотчасъ же дамъ знать. Предположите, наконецъ, тысячу вѣроятностей: ну, его не было дома, когда пришло письмо, и онъ, можетъ-быть, его и до-сихъ-поръ не читалъ? Вѣдь все можетъ случиться.

— Да, да! отвѣчала Настенька: — я и не подумала; конечно, все можетъ случиться, продолжала она самымъ сговорчивымъ голосомъ, но въ которомъ, какъ досадный диссонансъ, слышалась какая-то другая, отдаленная мысль. — Послушайте, продолжала она: — вы идите завтра, какъ-можно-раньше, и если получите что-нибудь, тотчасъ же дайте мнѣ знать. Вы вѣдь знаете, гдѣ я живу? И она начала повторять мнѣ свой адресъ.

Потомъ она вдругъ стала такъ нѣжна, такъ робка со мною... Она, казалось, слушала внимательно, что я ей говорилъ; но когда я обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ, она смолчала, смѣшалась и отворотила отъ меня голову. Я заглянулъ ей въ глаза — такъ и есть: она плакала.

— Ну, можно ли, можно ли? Ахъ, какая вы дитя! Какое ребячество!.. Полноте!

Она попробовала улыбнуться, успокоиться, но подбородокъ ея дрожалъ и грудь все еще колыхалась.

— Я думаю объ васъ, сказала она мнѣ послѣ минутнаго молчанія: — вы такъ добры, такъ добры, что я была бы каменная, еслибъ не чувствовала этого. Знаете ли, что мнѣ пришло теперь въ голову? Я васъ обоихъ сравнивала. Зачѣмъ онъ — не вы? Зачѣмъ онъ не такой, какъ вы? Онъ хуже васъ, хоть я и люблю его больше васъ.

Я не отвѣчалъ ничего. Она, казалось, ждала, чтобъ я сказалъ что-нибудь.

— Конечно, я, можетъ-быть, не совсѣмъ еще его понимаю, не совсѣмъ его знаю. Знаете, я какъ-будто всегда боялась его; онъ всегда былъ такой серьезный, такой какъ-будто гордый. Конечно, я знаю, что это онъ только смотритъ такъ, что въ сердцѣ его больше, чѣмъ въ моемъ,

нѣжности... Я помню, какъ онъ посмотрѣлъ на меня тогда, какъ я, помните, пришла къ нему съ узелкомъ; но все-таки я его какъ-то слишкомъ уважаю, а вѣдь это какъ-будто-бы мы и неровня?

— Нѣтъ, Настенька, нѣтъ, отвѣчалъ я: — это значитъ, что вы его больше всего на свѣтѣ любите, и гораздо-больше себя-самой любите.

— Да, положимъ, что это такъ, отвѣчала наивная Настенька: — но знаете ли, что мнѣ пришло теперь въ голову? Только я теперь не про него буду говорить, а такъ, вообще; мнѣ уже давно все это приходило въ голову. Послушайте, зачѣмъ мы всѣ не такъ, какъ-бы братья съ братьями? Зачѣмъ самый лучший человѣкъ всегда какъ-будто что-то таитъ отъ другаго и молчитъ отъ него? Зачѣмъ прямо, сейчасъ, не сказать, что есть на сердцѣ, коли знаешь, что не на вѣтеръ свое слово скажешь? А то всякій такъ смотритъ, какъ-будто онъ суровѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ-дѣлѣ, какъ-будто всѣ боятся оскорбить свои чувства, коли очень-скоро выкажутъ ихъ...

— Ахъ, Настенька! правду вы говорите; да вѣдь это происходитъ отъ многихъ причинъ, перебилъ я, самъ болѣе чѣмъ когда-нибудь въ эту минуту стѣснявшій свои чувства.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала она съ глубокимъ чувствомъ. — Вотъ вы, на-примѣръ, не таковъ, какъ другіе! Я, право, не знаю, какъ бы вамъ это рассказать, что я чувствую; но мнѣ кажется, вы вотъ, на-примѣръ... хоть бы теперь... мнѣ кажется вы чѣмъ-то для меня жертвуете, прибавила она робко, мелькомъ взглянувъ на меня. — Вы меня простите, если я вамъ такъ говорю: я вѣдь простая дѣвушка; я вѣдь мало еще видѣла на свѣтѣ, и, право, не умѣю иногда говорить, прибавила она голосомъ, дрожащимъ отъ какого-то затаеннаго чувства и стараясь, между-тѣмъ, улыбнуться: — но мнѣ только хотѣлось сказать вамъ, что я благодарна, что я тоже все это чувствую... О, дай вамъ Богъ за это счастья! дай вамъ Богъ больше этой доброты и ясности душевной! Вотъ то, что вы мнѣ насаждали тогда о вашемъ мечтателѣ, совершенно неправда, то-есть, я хочу сказать, совсѣмъ до васъ не касается. Вы выздоравливаете, вы, право, совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ какъ сами себя описали. Если вы когда-нибудь полюбите, то дай вамъ Богъ счастья съ нею! А ей я ничего не желаю, потому-что она будетъ счастлива съ вами. Я знаю, я сама женщина, и вы должны мнѣ вѣрить, если я вамъ такъ говорю...

Она замолкла и крѣпко пожала мнѣ руку. Я тоже не могъ ничего говорить отъ волненія. Прошло нѣсколько минутъ.

— Да, видно, что онъ не прійдетъ сегодня! сказала она наконецъ, поднявъ голову. — Поздно!..

— Онъ прійдетъ завтра, сказалъ я самымъ увѣрительнымъ и твердымъ голосомъ.

— Да, прибавила она, развеселившись: — я сама теперь вижу, что онъ прійдетъ только завтра. Ну, такъ до свиданья! до завтра! Если будетъ дождь, я, можетъ-быть, не прійду. Но послѣзавтра я прійду, непременно прійду, что бы со мной ни было; будьте здѣсь непременно; я хочу васъ видѣть, я вамъ все расскажу.

И потомъ, когда мы прощались, она подала мнѣ руку и сказала, ясно взглянувъ на меня:

— Вѣдь мы теперь навсегда вмѣстѣ, не правда ли?

О! Настенька, Настенька! Еслибъ ты знала, въ какомъ я теперь одиночествѣ!

Когда пробило девять часовъ, я не могъ усидѣть въ комнатѣ, одѣлся и вышелъ, не смотря на ненастное время. Я былъ тамъ, сидѣлъ на нашей скамейкѣ. Я было-пошелъ въ ихъ переулокъ, но мнѣ стало стыдно, и я воротился, не взглянувъ на ихъ окна, не дойдя двухъ шаговъ до ихъ дома. Я пришелъ домой въ такой тоскѣ, въ какой никогда не бывалъ. Какое сырое, скучное время! Еслибъ была хорошая погода, я бы прогулялъ тамъ всю ночь...

Но до завтра, до завтра! Завтра она мнѣ все расскажетъ.

Однако, письма сегодня не было. Но, впрочемъ, такъ и должно было быть. Они уже вмѣстѣ...

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Боже, какъ все это кончилось! Чѣмъ все это кончилось!

Я пришелъ въ девять часовъ. Она была уже тамъ. Я еще издали замѣтилъ ее; она стояла, какъ тогда, въ первый разъ, облокотясь на перила набережной и не слыхала, какъ я подошелъ къ ней.

— Настенька! окликнулъ я ее, черезъ силу подавляя свое волненіе. Она быстро обернулась ко мнѣ.

— Ну! сказала она: — ну! поскорѣе!

Я смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Ну, гдѣ же письмо? Вы принесли письмо? повторила она, схватившись рукой за перила.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ письма, сказалъ я наконецъ: — развѣ онъ еще не былъ?

Она страшно поблѣднѣла и долгое время смотрѣла на меня неподвижно. Я разбилъ послѣднюю ея надежду.

— Ну, Богъ съ нимъ! проговорила она наконецъ прерывающимся голосомъ: — Богъ съ нимъ, если онъ такъ оставляетъ меня.

Она опустила глаза, потомъ хотѣла взглянуть на меня, но не могла. Еще нѣсколько минутъ она пересиливала свое волненіе, но вдругъ отворотилась, облокотясь на балюстраду набережной, и залилась слезами.

— Полноте, полноте! заговорилъ-было я, но у меня силъ не достало продолжать на нее глядя, да и что бы я сталъ говорить?

— Не утѣшайте меня, говорила она плача: — не говорите про него, не говорите, что онъ прійдетъ, что онъ не бросилъ меня такъ жестоко, такъ безчеловѣчно, какъ онъ это сдѣлалъ. За что, за что? Не-уже-ли что-нибудь было въ моемъ письмѣ, въ этомъ несчастномъ письмѣ?..

Тутъ рыданія пресѣкли ея голосъ; у меня сердце разрывалось на нее глядя.

— О, какъ это безчеловѣчно-жестоко! начала она снова. — И ни строчки, ни строчки! Хоть бы отвѣчалъ, что я ненужна ему, что онъ отвергаетъ меня; а то ни одной строчки въ цѣлые три дня! Какъ легко ему оскорбить, обидѣть бѣдную, беззащитную дѣвушку, которая тѣмъ и виновата, что любить его! О, сколько я вытерпѣла въ эти три дня! Боже мой, Боже мой! Какъ вспомню, что я пришла къ нему въ первый разъ сама, что я передъ нимъ унижалась, плакала, что я вымаливала у него хоть каплю любви... И послѣ этого!.. Послушайте, заговорила она, обращаясь ко мнѣ, и черные глазки ея засверкали: — да это не такъ! Это не можетъ быть такъ; это ненатурально! Или вы или я обманулись; можетъ-быть, онъ письма не получалъ? Можетъ-быть, онъ до-сихъ-поръ ничего не знаетъ? Какъ же можно, судите сами, скажите мнѣ, ради Бога, объясните мнѣ — я этого не могу понять — какъ можно такъ варварски-грубо поступить, какъ онъ поступилъ со мною! Ни одного слова! Но къ послѣднему, презрѣнному существу на свѣтѣ бываютъ сострадательнѣе. Можетъ-быть, онъ что-нибудь слышалъ, можетъ-быть, кто-нибудь ему насаждалъ обо мнѣ? закричала она, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ. — Какъ, какъ вы думаете?

— Слушайте, Настенька, я пойду завтра къ нему отъ вашего имени.

— Ну!

— Я спрошу его обо всемъ, расскажу ему все.

— Ну, ну!

— Вы напишите письмо. Не говорите нѣтъ, Настенька, не говорите нѣтъ! Я заставлю его уважать вашъ поступокъ, онъ все узнаетъ, и если...

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, перебила она. — Довольно! Больше ни слова, ни одного слова отъ меня, ни строчки — довольно! Я его не знаю, я не люблю его больше, я его по... за... буду...

Она не договорила.

— Успокойтесь, успокойтесь! Сядьте здѣсь, Настенька, сказалъ я, усаживая ее на скамейку.

— Да я спокойна. Полноте! Это такъ! Это слезы, это просохнетъ! Что вы думаете, что я сгублю себя, что я утоплюсь?..

Сердце мое было полно; я хотѣлъ-было заговорить, но не могъ.

— Послушайте! начала она, взявъ меня за руку: — скажите: вы бы не такъ поступили? вы бы не бросили той, которая бы сама къ вамъ пришла, вы бы не бросили ей въ глаза безстыдной насмѣшки надъ ея слабымъ, глупымъ сердцемъ? Вы поберегли бы ее? Вы бы представили себѣ, что она была одна, что она не умѣла усмотрѣть за собой, что она не умѣла себя уберечь отъ любви къ вамъ, что она невиновата, что она, наконецъ, невиновата... что она ничего не сдѣлала... О, Боже мой, Боже мой!..

— Настенька! закричалъ я, наконецъ не будучи въ силахъ преодолѣть свое волненіе. — Настенька! вы терзаете меня! Вы язвите сердце мое, вы убиваете меня, Настенька! Я не могу молчать! Я долженъ наконецъ говорить, высказать, что у меня накипѣло тутъ въ сердцѣ...

Говоря это, я привсталъ со скамейки. Она взяла меня за руку и смотрѣла не меня въ удивленіи.

— Что съ вами? проговорила она наконецъ.

— Слушайте! сказалъ я рѣшительно, подавляя слезы, которыя готовы были хлынуть изъ глазъ моихъ. — Слушайте меня, Настенька! Что я буду теперь говорить, все вздоръ, все несбыточно, все глупо! Я знаю, что этого никогда не можетъ случиться, но не могу же я молчать. Именно того, чѣмъ вы теперь страдаете, заранѣе молю васъ, простите меня!..

— Ну, что, что? говорила она, переставъ плакать и пристально смотря на меня, тогда-какъ странное любопытство блистало въ ея удивленныхъ глазкахъ: — что съ вами?

— Это несбыточно, но я васъ люблю, Настенька! вотъ что! Ну, теперь все сказано! сказалъ я, махнувъ рукой. — Теперь вы увидите, можете ли вы такъ говорить со мной, какъ сейчасъ говорили, можете ли вы, наконецъ, слушать то, что я буду вамъ говорить...

— Ну, что жъ, что же? перебила Настенька: — что жъ изъ этого? Ну, я давно знала, что вы меня любите, но только мнѣ все казалось, что вы меня такъ, просто, какъ-нибудь любите... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Сначала было просто, Настенька, а теперь, теперь... я точно так же, какъ вы, когда вы пришли къ нему тогда съ вашимъ узелкомъ. Хуже, чѣмъ какъ вы, Настенька, потому-что онъ тогда никого не любилъ, а вы любите.

— Что это вы мнѣ говорите! Я, наконецъ, васъ совсѣмъ не понимаю. Но послушайте, зачѣмъ же это, т. е. не зачѣмъ, а почему же это вы такъ, и такъ вдругъ... Боже! я говорю глупости! Но вы...

И Настенька совершенно смѣшалась. Щеки ея вспыхнули; она опустила глаза.

— Что жъ дѣлать, Настенька, что жъ мнѣ дѣлать? я виноватъ, я употребилъ во зло... Но нѣтъ же, нѣтъ, не виноватъ я, Настенька; я это слышу, чувствую, потому-что мое сердце мнѣ говоритъ, что я правъ, потому-что я васъ ни чѣмъ не могу обидѣть, ни чѣмъ оскорбить! Я былъ другъ вашъ; ну, вотъ я и теперь другъ; я ничему не измѣнялъ. Вотъ у меня теперь слезы текутъ, Настенька. Пусть ихъ текутъ, пусть текутъ — онѣ ни кому не мѣшаютъ. Онѣ высохнуть, Настенька...

— Да сядьте же, сядьте, сказала она, сажая меня на скамейку: — охъ, Боже мой!

— Нѣтъ, Настенька, я не сяду; я уже болѣе не могу быть здѣсь, вы уже меня болѣе не можете видѣть; я все скажу и уйду. Я только хочу сказать, что вы бы никогда не узнали, что я васъ люблю. Я бы схоронилъ свою тайну. Я бы не сталъ васъ терзать теперь, въ эту минуту, моимъ эгоизмомъ. Нѣтъ! но я не могъ, Настенька, я не могъ теперь вытерпѣть; вы сами заговорили объ этомъ, вы виноваты, вы во всемъ виноваты, а я не виноватъ. Вы не можете прогнать меня отъ себя...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, я не отгоняю васъ, нѣтъ! говорила Настенька, скрывая какъ только могла свое смущеніе, бѣдненькая.

— Вы меня не гоните? нѣтъ! а я-было самъ хотѣлъ бѣжать отъ васъ. Настенька, я уйду, я непременно уйду, только я все скажу сначала, потому-что, когда вы здѣсь говорили, я не могъ усидѣть, когда вы здѣсь плакали, когда вы терзались отъ-того, ну, отъ-того (ужь я назову это, Настенька), отъ-того, что васъ отвергаютъ, отъ-того, что оттолкнули вашу любовь, я почувствовалъ, я услышалъ, что въ моемъ сердцѣ столько любви для васъ, Настенька, столько любви!.. И мнѣ стало такъ горько, что я не могу помочь вамъ этой любовью... что сердце разорвалось, и я, я — не могъ молчать, я долженъ былъ говорить! Настенька, я долженъ былъ говорить!..

— Да, да! говорите мнѣ, говорите со мною такъ! сказала Настенька съ неизъяснимымъ движеніемъ. Послушайте: вамъ, можетъ-быть, стран-

но, что я съ вами такъ говорю, но... говорите! я вамъ послѣ скажу! я вамъ все расскажу!

— Вамъ жаль меня, Настенька; вамъ просто жаль меня, дружочекъ вы мой! Послушайте; ужь что пропало, то пропало! ужь что сказано, того не воротишь! Не такъ ли? Ну, такъ вы теперь знаете все. Ну, вотъ это точка отправленія. Ну, хорошо! теперь все это прекрасно; только послушайте. Когда вы сидѣли и плакали, я про себя думалъ (охъ, дайте мнѣ сказать, что я думалъ!), я думалъ, что (ну, ужь, конечно, этого не можетъ быть, Настенька), я думалъ, что вы... я думалъ, что вы какъ-нибудь тамъ..., ну, совершенно постороннимъ какимъ-нибудь образомъ, ужь больше его не любите. Тогда — я это и вчера и третьяго дня уже думалъ, Настенька — тогда я бы сдѣлалъ такъ, я бы непременно сдѣлалъ такъ, что вы бы меня полюбили; вѣдь вы сказали, вѣдь вы сами говорили, Настенька, что вы меня уже почти совсѣмъ полюбили. Ну, что жь дальше? Ну, вотъ почти и все, что я хотѣлъ сказать; остается только сказать, что бы тогда было, еслибъ вы меня полюбили, только это, больше ничего! Послушайте же, другъ мой — потому-что вы все-таки мой другъ — я, конечно, человѣкъ простой, бѣдный, такой незначительный, только не въ томъ дѣло (я какъ-то все не про то говорю, это отъ смущенія, Настенька), только я бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ, что еслибъ вы еще и любили его, и продолжали любить того, котораго я не знаю, то все-таки не замѣтили бы, что моя любовь какъ-нибудь тамъ для васъ тяжела. Вы бы только слышали, вы бы только чувствовали каждую минуту, что подлѣ васъ бьется благодарное, благодарное сердце, горячее сердце, которое за васъ... Охъ, Настенька, Настенька! что вы со мной сдѣлали!..

— Не плачьте же, не плачьте; я не хочу, чтобъ вы плакали, сказала Настенька, быстро вставая со скамейки: — пойдѣте, встаньте, пойдѣте со мной, не плачьте же, не плачьте, говорила она, утирая мои слезы своимъ платкомъ: — ну, пойдѣте теперь; я вамъ, можетъ-быть, скажу что-нибудь... Да, ужь коли теперь онъ оставилъ меня, коль онъ позабылъ меня, хотя я еще и люблю его (не хочу васъ обманывать)... но, послушайте, отвѣчайте мнѣ. Еслибъ я, на-примѣръ, васъ полюбила, т. е., еслибъ я только... Охъ, другъ мой, другъ мой! какъ я подумаю, какъ подумаю, что я васъ оскорбляла тогда, что смѣялась надъ вашей любовью, когда васъ хвалила за то, что вы не влюбились!.. О, Боже! да какъ же я этого не предвидѣла, какъ я не предвидѣла, какъ я была такъ глупа, но... ну, ну, я рѣшилась, я все скажу...

— Послушайте, Настенька, знаете что? я уйду отъ васъ, вотъ что! Просто, я васъ только мучаю. Вотъ у васъ теперь угрызения совѣсти за

то, что вы насмѣхались, а я не хочу, да, не хочу, чтобъ вы, кромѣ вашего горя... я, конечно, виновать, Настенька, но прощайте!

— Стойте, послушайте: вы можете ждать?

— Чего ждать, какъ?

— Послушайте, я его люблю; но это пройдетъ, это должно пройти, это не можетъ не пройти; ужь проходить, я слышу... Почему знать, можетъ-быть, сегодня же кончится, потому-что я его ненавижу, потому-что онъ надо мной насмѣялся, тогда-какъ вы плакали здѣсь вмѣстѣ со мною, потому-что вы не отвергли бы меня, какъ онъ, потому-что вы любите, а онъ не любилъ меня, потому-что я васъ, наконецъ, люблю сама... да, люблю! люблю, какъ вы меня любите; я же вѣдь сама еще прежде вамъ это сказала, вы сами слышали — потому люблю, что вы лучше его, потому-что вы благороднѣе его, потому, потому, что онъ...

Волненіе бѣдняжки было такъ сильно, что она не dokonчила, положила свою голову мнѣ на плечо, потомъ на грудь и заплакала какъ ребенокъ. Я утѣшалъ, уговаривалъ ее, но она не могла перестать; она все жала мнѣ руку и говорила между рыданьями: "Подождите, подождите; вотъ, я сейчасъ перестану! Я вамъ хочу сказать... вы не думайте, чтобъ эти слезы — это такъ, отъ слабости, подождите, пока пройдетъ..." Наконецъ, она перестала, отерла слезы, и мы снова пошли. Я было-хотѣлъ говорить, но она долго еще все просила меня подождать. Мы замолчали... Наконецъ, она собралась съ духомъ и начала говорить...

— Послушайте начала она слабымъ и дрожащимъ голосомъ, но въ которомъ вдругъ зазвенѣло что-то такое, что вонзилось мнѣ прямо въ сердце и сладко заныло въ немъ: — слушайте! Не думайте, что я такъ непостоянна и вѣтрена, не думайте, что я могу такъ легко и скоро позабыть, измѣнить... Я цѣлый годъ его любила, и Богомъ клянусь, что никогда, никогда даже мыслью не была ему невѣрна. Онъ презрѣлъ это; онъ насмѣялся надо мною, Богъ съ нимъ! Но онъ уязвилъ меня и оскорбилъ мое сердце. Я — я не люблю его, потому-что я могу любить только то, что великодушно, что понимаетъ меня, что благородно; потому-что я сама такова, и онъ не достоинъ меня — ну, Богъ съ нимъ! Онъ лучше сдѣлалъ, чѣмъ когда бы я потомъ обманулась въ своихъ ожиданіяхъ и узнала, кто онъ таковъ... Ну, конечно! Но почему знать, добрый другъ мой, продолжала она, пожимая мнѣ руку; — почему знать, можетъ-быть и вся любовь моя была обманъ чувствъ, воображенія, можетъ-быть, началась она шалостью, пустяками, отъ-того, что я была подъ надзоромъ у бабушки? Можетъ-быть, я должна любить другаго, а не его, не такого человѣка; другаго, который пожалѣлъ бы меня и, и... Ну, оставимъ, оставимъ это, перебила Настенька, задыхаясь отъ волненія: — я вамъ

только хотѣла сказать... я вамъ хотѣла сказать, что если, не смотря на то, что я люблю его (нѣтъ, любила его), если, не смотря на то, вы еще скажете... если вы чувствуете, что ваша любовь такъ велика, что можетъ, наконецъ, вытѣснить изъ моего сердца прежнюю... если вы захотите сжалиться надо мною, если вы не захотите меня оставить одну въ моей судьбѣ, безъ утѣшенія, безъ надежды, если вы захотите любить меня всегда, какъ теперь меня любите, то клянусь, что благодарность... что любовь моя, будетъ, наконецъ, достойна вашей любви... Возьмете ли вы теперь мою руку?

— Настенька, закричалъ я, задыхаясь отъ рыданій: — Настенька, я на колѣняхъ... О, Настенька!..

— Ну, довольно, довольно! ну, теперь совершенно-довольно! заговорила она, едва пересиливая себя: — ну, теперь уже все сказано; не правда ли? такъ? Ну, и вы счастливы и я счастлива; ни слова же объ этомъ больше; подождите; пощадите меня... Говорите о чемъ-нибудь другомъ, ради Бога!..

— Да, Настенька, да! довольно объ этомъ, теперь я счастливъ, я... Ну, Настенька, ну, заговоримъ о другомъ, поскорѣе, поскорѣе заговоримъ; да! я готовъ...

И мы не знали, что говорить, мы смѣялись, мы плакали, мы говорили тысячи словъ безъ связи и мысли; мы то ходили по троттуару, то вдругъ возвращались назадъ и пускались переходить черезъ улицу; потомъ останавливались и опять приходили на набережную; мы были какъ дѣти...

— Я теперь живу одинъ, Настенька, заговаривалъ я: — а завтра... Ну, конечно, я, знаете, Настенька, бѣденъ, у меня всего тысяча-двѣсти, но это ничего...

— Разумѣется, нѣтъ, а у бабушки пенсіонъ; такъ она насъ не стѣснитъ. Нужно взять бабушку.

— Конечно, нужно взять бабушку... Только, вотъ, Матрена...

— Ахъ, да и у насъ тоже Оекла!

— Матрена добрая, только одинъ недостатокъ: у ней нѣтъ воображенія, Настенька, совершенно никакого воображенія; но это ничего!..

— Все равно; онѣ обѣ могутъ быть вмѣстѣ; только вы завтра къ намъ переѣзжайте.

— Какъ это? къ вамъ! Хорошо, я готовъ...

— Да, вы наймите у насъ. У насъ, тамъ, наверху, мезонинъ; онъ пустой; жилища была, старушка, дворянка, она съѣхала, и бабушка, я знаю, хочетъ молодаго человѣка пустить; я говорю: зачѣмъ же молодаго

человѣка? А она говоритъ: да такъ, я уже стара, а только ты не подумай, Настенька, что я за него тебя хочу замужъ сосватать. Я и догадалась, что это для того...

— Ахъ, Настенька, Настенька!..

И оба мы засмѣялись.

— Ну, полноте же, полноте. А гдѣ вы живете? я и забыла.

— Тамъ, у -скаго-Моста, въ домѣ Баранникова.

— Это такой большой домъ?

— Да, такой большой домъ.

— Ахъ, знаю, хорошій домъ; только вы, знаете, бросьте его и переѣзжайте къ намъ поскорѣе...

— Завтра же, Настенька, завтра же; я тамъ немножко долженъ за квартиру, да это ничего... Я получу скоро жалованье...

— А знаете, я, можетъ-быть, буду уроки давать; сама выучусь и буду давать уроки...

— Ну, вотъ и прекрасно... а я скоро награжденіе получу, Настенька...

— Такъ вотъ вы завтра и будете мой жилецъ...

— Да, и мы поѣдемъ въ "Севильскаго Цирюльника", потому-что его теперь опять дадутъ скоро.

— Да, поѣдемъ, сказала смѣясь Настенька: — нѣтъ, лучше мы будемъ слушать не "Цирюльника", а что-нибудь другое...

— Ну, хорошо, что-нибудь другое; конечно, это будетъ лучше, а то я не подумалъ...

Говоря это, мы ходили оба какъ-будто въ чаду, въ туманѣ, какъ-будто сами не знали, что съ нами дѣлается. То останавливались и долго разговаривали на одномъ мѣстѣ, то опять пускались ходить и заходили Богъ-знаетъ куда, и опять смѣхъ, опять слезы... То Настенька вдругъ захочетъ домой, я не смѣю удерживать и захочу проводить ее до самага дома; мы пускаемся въ путь, и вдругъ черезъ четверть часа находимъ себя на набережной у нашей скамейки. То она вздохнетъ, и снова слезинка набѣжитъ на глаза ея; я оробѣю, похолодѣю... Но она тутъ же жметъ мою руку и тащитъ меня снова ходить, болтать, говорить...

— Пора, теперь, пора мнѣ домой; я думаю, очень-поздно, сказала, наконецъ, Настенька: — полно намъ такъ ребячиться!

— Да, Настенька, только ужъ я теперь не засну; я домой не пойду.

— Я тоже, кажется, не засну; только вы проводите меня...

— Непремѣнно!

— Но ужъ теперь мы непременно дойдемъ до квартиры.

— Непремѣнно, неpremѣнно...

— Честное слово?.. потому-что вѣдь нужно же когда-нибудь воротиться домой!

— Честное слово, отвѣчалъ я смѣясь...

— Ну, пойдѣмте!

— Пойдѣмте.

— Посмотрите на небо, Настенька, посмотрите! Завтра будетъ чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите: вотъ это желтое облако теперь застилаетъ ее, смотрите, смотрите!.. Нѣтъ, оно прошло мимо. Смотрите же, смотрите!..

Но Настенька не смотрѣла на облако; она стояла молча, какъ вкопанная; черезъ минуту она стала какъ-то робко, тѣсно прижиматься ко мнѣ. Рука ея задрожала въ моей рукѣ; я поглядѣлъ на нее... Она оперлась на меня еще сильнѣе.

Въ эту минуту, мимо насъ прошелъ молодой человѣкъ. Онъ вдругъ остановился, пристально посмотрѣлъ на насъ и потомъ опять сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Сердце во мнѣ задрожало...

— Настенька, сказалъ я вполголоса: — Настенька!

— Это онъ! отвѣчала она шопотомъ, еще ближе, еще трепетнѣе прижимаясь ко мнѣ... Я едва устоялъ на ногахъ.

— Настенька! Настенька! это ты! слышался голосъ за нами и въ ту же минуту молодой человѣкъ сдѣлалъ къ намъ нѣсколько шаговъ...

Боже, какой крикъ! какъ она вздрогнула! какъ она вырвалась изъ рукъ моихъ и порхнула къ нему на встрѣчу!.. Я стоялъ и смотрѣлъ на нихъ какъ убитый. Но она едва подала ему руку, едва бросилась въ его объятія, какъ вдругъ снова обернулась ко мнѣ, очутилась подлѣ меня, какъ вѣтеръ, какъ молнія, и прежде, чѣмъ успѣлъ я опомниться, обхватила мою шею обѣими руками, и крѣпко, горячо поцаловала меня. Потомъ, не сказавъ мнѣ ни слова, бросилась снова къ нему, взяла его за руки и повлекла его за собою.

Я долго стоялъ и глядѣлъ имъ вслѣдъ... Наконецъ, оба они исчезли изъ глазъ моихъ.

УТРО.

Мои ночи кончились утромъ. День былъ нехорошій. Шелъ дождь и уныло стучалъ въ мои стекла; въ комнаткѣ было темно, на дворѣ пасмурно. Голова у меня болѣла и кружилась; лихорадка прокрадывалась по моимъ членамъ.

— Письмо къ тебѣ, батюшка, по городской почтѣ почтарь принесъ, проговорила надо мною Матрена.

— Письмо! отъ кого? закричалъ я, вскакивая со стула.

— А не вѣдаю, батюшка, посмотри, можетъ тамъ и написано отъ кого.

Я сломалъ печать. Это отъ нея!

"О, простите, простите меня!" писала мнѣ Настенька: "на колѣняхъ умоляю васъ, простите меня! Я обманула и васъ и себя. Это былъ сонъ, призракъ... Я изныла за васъ сегодня; простите, простите меня!..

"Не обвиняйте меня, потому-что я ни въ чемъ не измѣнилась предъ вами; я сказала, что буду любить васъ, я и теперь васъ люблю, больше чѣмъ люблю. О, Боже! еслибъ я могла любить васъ обоихъ разомъ! О, еслибъ вы были онъ!"

— О, еслибъ онъ были вы! пролетѣло въ моей головѣ. Я вспомнилъ твои же слова, Настенька!

"Богъ видитъ, что бы я теперь для васъ сдѣлала! Я знаю, что вамъ тяжело и грустно. Я оскорбила васъ, но вы знаете — коли любишь, долго ли помнишь обиду. А вы меня любите!

"Благодарю! да! благодарю васъ за эту любовь. Потому-что въ памяти моей она запечатлѣлась какъ сладкій сонъ, который долго помнишь послѣ пробужденія; потому-что я вѣчно буду помнить тотъ мигъ, когда вы такъ братски открыли мнѣ свое сердце и такъ великодушно приняли въ даръ мое изъязвленное, чтобъ его беречь, лелѣять, уврачевать его... Если вы простите меня, то память объ васъ будетъ возвышена во мнѣ вѣчнымъ, благодарнымъ чувствомъ къ вамъ, которое никогда не изгладится изъ души моей... Я буду хранить эту память, буду ей вѣрна, не измѣню ей, не измѣню своему сердцу; оно слишкомъ-постоянно. Оно еще вчера такъ скоро воротилось къ тому, которому принадлежало на вѣки.

"Мы встрѣтимся, вы прійдете къ намъ, вы насъ не оставите, вы будете вѣчно другомъ, братомъ моимъ... И когда вы увидите меня, вы подадите мнѣ руку... да? вы подадите мнѣ ее, вы простили меня, не правда ли? Вы меня любите *по-прежнему*?"

"О, любите меня, не оставляйте меня, потому-что я васъ такъ люблю въ эту минуту, потому-что я достойна любви вашей, потому-что я заслужу ее... другъ мой милый! На будущей недѣлѣ я выхожу за него. Онъ воротился влюбленный, онъ никогда не забывалъ обо мнѣ... Вы не разсердитесь за то, что я объ немъ написала. Но я хочу прійдти къ вамъ вмѣстѣ съ нимъ; вы его полюбите, не правда ли?..

"Простите же, помните и любите вашу

Настеньку."

Я долго перечитывалъ это письмо; слезы просились изъ глазъ моихъ. Наконецъ, оно выпало у меня изъ рукъ, и я закрылъ лицо.

— Касатикъ! а касатикъ! начала Матрена.

— Что, старуха?

— А паутину-то я всю съ потолка сняла; теперь хоть женись, гостей созывай, такъ въ ту жь пору...

Я посмотрѣлъ на Матрену... Это была еще бодрая, молодая старуха, но не знаю, отъ-чего вдругъ она представилась мнѣ съ потухшимъ взглядомъ, съ морщинами на лицѣ, согбенная, дряхлая... Не знаю, отъ-чего мнѣ вдругъ представилось, что комната моя постарѣла такъ же, какъ и старуха. Стѣны и полы облиняли, все потускнѣло; паутины развелось еще больше. Не знаю, отъ-чего, когда я взглянулъ въ окно, мнѣ показалось, что домъ, стоявшій напротивъ, тоже одряхлѣлъ и потускнѣлъ въ свою очередь, что штукатурка на колоннахъ облупилась и осыпалась, что карнизы почернѣли и растрескались и стѣны изъ темно-желтаго яркаго цвѣта стали пѣгя...

Или лучъ солнца, внезапно выглянувъ изъ-за тучи, опять спрятался подъ дождевое облако и все опять потускнѣло въ глазахъ моихъ; или, можетъ-быть, передо мною мелькнула такъ непривѣтно и грустно вся перспектива моего будущаго, и я увидѣлъ себя такимъ, какъ я теперь, ровно черезъ пятнадцать лѣтъ, постарѣвшимъ, въ той же комнатѣ, такъ же одинокимъ, съ той же Матреной, которая нисколько не поумнѣла за всѣ эти годы.

Но чтобъ я помнилъ обиду мою, Настенька! Чтобъ я нагналъ темное облако на твое ясное, безмятежное счастье, чтобъ я, горько упрекнувъ, нагналъ тоску на твое сердце, уязвилъ его тайнымъ угрызеніемъ и поставилъ его тоскливо биться въ минуту блаженства, чтобъ я измялъ хоть одинъ изъ этихъ нѣжныхъ цвѣтковъ, которые ты вплела въ свои черныя кудри, когда пошла вмѣстѣ съ нимъ къ алтарю... О, никогда, никогда! Да будетъ ясно твое небо, да будетъ свѣтла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастья, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!

Боже мой! Цѣлая минута блаженства! Да развѣ этого мало, господа, хоть бы и на всю жизнь человѣческую?..

Ө. ДОСТОЕВСКІЙ.